

Михаил Серегин
Лицо на продажу

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Лицо на продажу / М. Г. Серегин — «Научная книга»,

Подруга врача и сыщика-любителя Володи Ладыгина легла в косметологическую клинику на операцию по удалению ожогов. И как-то вечером на ее глазах один пациент этой клиники убил другого. Однако охрана приняла ее рассказ за больные фантазии. Испугавшись за свою жизнь, она попросила друга Володю расследовать это загадочное преступление. Ладыгин взялся за дело со свойственным ему энтузиазмом и скоро выяснил, что в клинике проводят не только косметические операции... Издавалась также под названием «Всегда летальный диагноз».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Серегин

Лицо на продажу

Глава 1

– В такие дни я всегда сожалею, что не родился на свет художником! – глубокомысленно заявил я Марине, когда мы, затормозив на Петровском бульваре, вышли из машины.

Действительно, окружающий мир просто просился на полотно: чистая синева неба, красно-желтые кроны деревьев, золотой купол церкви с ослепительным бликом и тонкая фигурка Марины в синем плаще, которой ветер придавал несколько печальные, тревожные очертания, – все это, по моему мнению, было очень живописно.

То же самое, видимо, пришло в голову и парню, который примостился с подрамником на краю тротуара. Как полагается художнику, он был очень лохмат и глядел сосредоточенно и пронзительно. На нем было длинное черное пальто и красный шарф, небрежно обмотанный вокруг шеи.

На его холсте уже присутствовали и небо, и деревья, и сверкающий купол – не было только нас. Впрочем, это было неудивительно, потому что мы только что появились. Но и все остальное на холсте мне не очень понравилось – пейзаж казался слишком бледным и плоским.

– По-моему, не похоже, – миролюбиво заметил я, заглядывая художнику через плечо.

Прежде чем ответить, он посмотрел не на меня, а на хрустящую листву, которую у нас под ногами перекачивал ветер, а потом спросил довольно презрительным тоном:

– На что не похоже?

– Ну вообще... – сказал я. – Попробуйте нарисовать нас – может быть, пейзаж будет чуть поживее?

Лохматый художник посмотрел на меня так, будто я предложил ему заняться покраской заборов. Марина смущенно рассмеялась и потянула меня за рукав.

– Не собираешься ли ты позировать? – спросила она. – Мы и так уже опаздываем.

– Художники обладают фотографической памятью, – авторитетно заявил я. – Поэтому нам не обязательно здесь присутствовать...

– Да уж, – пробормотал лохматый, нервно накладывая мазок на полотно. – Совсем не обязательно...

Я скептически хмыкнул и взял Марину под руку. Мы отошли уже довольно далеко, когда художник вдогонку нам крикнул:

– Девушку я, пожалуй, напишу!

В голосе его звучало злорадство, адресованное персонально мне.

Мы вошли в маленький двор, обнесенный чугунной оградой. Короткая заасфальтированная дорожка вела к двухэтажному каменному дому на два подъезда. Дорожку окружал порывевший газон с художественно постриженными кустами. Это был настоящий оазис – островок тишины и покоя в самом центре Москвы.

Мы поднялись по каменным ступеням и остановились перед дверью первого подъезда. Глухая массивная дверь была украшена не слишком броской медной табличкой с надписью: «Заболоцкий Анатолий Александрович. Врач-косметолог. Прием по будним дням с 10 до 12 часов».

Поскольку день был воскресный и полдень был уже позади, во взгляде Марины появилась неуверенность. Я небрежно нажал на кнопку звонка и напомнил ей, что мы все-таки не простые посетители, а по рекомендации.

– Борис Иосифович договаривался именно на воскресенье, на час дня, – сказал я. – Не думаю, чтобы он мог что-нибудь перепутать.

Мой начальник – Борис Иосифович Штейнберг – действительно никогда и ни в чем не ошибался. И если он рекомендовал лучшего косметолога, то можно было не сомневаться, что косметолог действительно лучший.

Но я тоже чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Состоятельные частнопрактикующие врачи с медными и бронзовыми именными табличками всегда были для меня загадкой. Я осознавал, что мне как врачу никогда не достичь таких высот, и эта мысль слегка угнетала.

– И все-таки я очень волнуюсь, Володя! – призналась Марина, жалобно глядя на меня. – Может быть, зря я все это затеяла?

Это уже был философский вопрос, и, пока я раздумывал над ответом, дверь неожиданно открылась. Почему-то я ожидал увидеть перед собой кого-то вроде швейцара или гувернантки, а появление на пороге представительного мужчины в твидовом пиджаке, с некоторой замедленностью и барственностью в движениях слегка полноватой фигуры слегка смутило меня. Несомненно, это был сам хозяин.

– Здравствуйте! Анатолий Александрович, если я не ошибаюсь? – спросил я.

– Вы не ошибаетесь. Здравствуйте, – кивнул хозяин.

У него были каштановые, с проседью волосы, зачесанные назад, высокий лоб, мясистый подбородок и строгие, внимательные глаза. Подобные глаза мне приходится видеть постоянно – так смотрят люди, вынужденные ежедневно ставить диагноз, взгляд этот не меняется уже почти никогда.

– А вы, как я понимаю, от Бориса Иосифовича? – продолжал хозяин. – Прошу заходить.

Он посторонился, давая нам дорогу. Мы оказались в просторной прихожей, выложенной мраморной плиткой. Сквозь плотные белые шторы на окнах сочился приглушенный свет. Слева находилась вешалка десятка на два крючков, предназначенная, видимо, только для посетителей, так как никакой одежды на ней в этот момент не наблюдалось. Мы сделали шаг по направлению к вешалке, но хозяин движением руки остановил нас.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Сегодня наплыва нет. Будьте как дома...

Мне показалось, что это хороший знак. Однако Марина волновалась по-прежнему. Поднявшись по трем мраморным ступеням, мы вошли в холл с высоким потолком. Справа уходила вверх витая лестница. Слева белела дверь с бронзовыми ручками. Сквозь высокое окно на пол, застеленный ковром, падал солнечный свет. По обе стороны окна стояли удобные диваны и большие напольные вазы с неживыми, но очень искусно сделанными цветами.

Анатолий Александрович, не задерживаясь, направился к белой двустворчатой двери и ввел нас в кабинет, служивший, очевидно, приемной. Непосредственно осмотр и лечение осуществлялись, скорее всего, за соседней дверью с непрозрачным стеклом. Мы сняли плащи и уселись в огромные мягкие кресла из коричневой кожи, в которых почти полностью утонули. Заболоцкий занял место за письменным столом и весьма внушительно посмотрел на нас сверху вниз. По лицу Марины я понял, что бодрости у нее не прибавилось.

– Как поживает Борис Иосифович? – осведомился Заболоцкий.

– По-моему, неплохо, – ответил я.

Девяносто процентов жизни Бориса Иосифовича – это тайна за семью печатями, во всяком случае, для меня. Но, думаю, Заболоцкий ждал от меня именно такого ответа.

Он кивнул и деловито спросил:

– И что же вас привело ко мне, молодые люди? Кстати, кто из вас потенциальный пациент? Простите, что не называю вас по имени-отчеству...

Мы представились, и Марина, немного запинаясь от волнения, изложила суть своей проблемы. Заболоцкий окинул ее фигуру внимательным взглядом, видимо, определяя, насколько

заметны дефекты внешне. Но на Марине сегодня было вязаное зеленое платье с высоким воротом и длинными рукавами, скрывавшее шею и руки весьма надежно.

– Значит, вы говорите, ожоги открытым пламенем? – повторил Заболоцкий. – Как же это произошло?

– Это старая история, – хмурясь, сказала Марина. – Связанная с работой. Я по профессии криминалист...

– Вы работаете в милиции? – поднял брови Заболоцкий.

– Уже нет. Теперь я преподаю. Те впечатления были слишком острыми, понимаете?

– Безусловно, – кивнул Заболоцкий. – Однако необходимо осмотреть вас, Марина Петровна...

Он поднялся из-за стола и, подойдя к шкафчику, снял с плечиков отутюженный, безупречно белый халат.

Марина бросила в мою сторону беспомощный взгляд, но я в ответ лишь нахмурил брови и сердито сверкнул глазами. В сущности, это был обычный иррациональный страх перед врачами, который я никак одобрить не мог.

Анатолий Александрович в белом халате совершенно приободрился – он будто даже стал выше ростом и еще внушительнее, чем прежде. Марина рядом с ним казалась провинившейся девочкой.

– Прошу вас! – сказал Заболоцкий, указывая на застекленную дверь, и добавил, обернувшись ко мне: – Вы можете пока, чтобы не скучать, посмотреть наши альбомы. Довольно любопытные встречаются случаи... Кстати, вы сможете оценить и наши возможности...

Они с Мариной скрылись за дверью кабинета, а я лениво перелистал предложенные мне альбомы. Они не слишком меня заинтересовали – дефекты внешности, отравлявшие жизнь их владельцам, и, для сравнения, те же лица после вмешательства чудодейственных рук хирурга.

Как врач, я отлично понимаю, что каждый случай заболевания достаточно уникален и никакие прошлые успехи не гарантируют стопроцентного результата в настоящем. Авторитет Заболоцкого подтверждался рекомендацией Бориса Иосифовича, и здесь не требовались никакие альбомы.

Гораздо больший интерес вызывало у меня жилище косметолога. Оно говорило о его успехах гораздо больше, нежели фотографии выправленных носов. Такие высоченные окна, такие паркеты и кресла не достаются даром, это понятно. И тут я впервые задумался о том, во сколько может обойтись лечение. Разумеется, и у Марины, и у меня имелись кое-какие сбережения, но конкретной ценой мы пока не интересовались. Впрочем, ждать ответа на этот вопрос оставалось совсем недолго.

Напольные антикварные часы показывали двадцать пять минут второго, когда застекленная дверь отворилась и появились Заболоцкий с Мариной. Она выглядела уже не такой растерянной и слушала косметолога, раскрыв рот.

– Еще раз хочу сказать, что беспокоиться совершенно не о чем! – уверенно заявил он, шагая к столу. – Характер деформаций определенно внушает оптимизм... Я направлю вас в клинику моего друга, если вы не возражаете... Пластика ожоговых поверхностей – его конек. Конечно, можно было бы обратиться в госучреждение, но это обойдется вам не намного дешевле, а результат будет заведомо хуже... Тем более что клиника расположена в районе Измайловского парка – чистый воздух, покой, высококачественное лечение... Там широко применяется лазерная техника, и результаты, уверяю вас, превосходные!

– Звучит очень убедительно, – прервала его Марина. – И все-таки, в какую сумму это обойдется?

– Думаю, около шести тысяч, – небрежно ответил Заболоцкий. – В валюте, разумеется... Марина обеспокоенно оглянулась – с губ ее уже готов был сорваться отказ.

– Пожалуй, мы согласимся, – быстро сказал я.

– Это очень разумное решение, – важно кивнул косметолог и доверительно добавил: – Конечно, характер повреждений не столь значителен, но даже самый малый изъян во внешности доставляет женщине страдания... Тем более такой обаятельной, – галантно раскланялся он в сторону Марины. – И не стоит жалеть денег, если есть возможность уменьшить эти страдания, не правда ли?

– Вы совершенно правы! – поддержал я Заболоцкого.

– Так я пишу вам направление? – полуутвердительно спросил косметолог, усаживаясь за стол.

– Ну что ж! – со вздохом сказала Марина.

В руке Заболоцкого появился «Паркер», и перо быстро забегало по бумаге.

– Вы потратите свои деньги не зря! – убежденно заявил косметолог, не поднимая головы. – Положительные эмоции, которые вы получите в итоге, стоят гораздо больше!

– Я тоже так думаю! – сказал я. – И когда можно ложиться?

– В любую минуту! – охотно ответил Заболоцкий. – Хотя клиника пользуется прекрасной репутацией, проблемы мест там практически не существует. Лечение и реабилитация спланированы прекрасно и рационально... Первые два-три дня – обследование, калорийное питание и физиопроцедуры... Ну а затем непосредственно лечебный этап. Точные сроки госпитализации называть не буду – все будет зависеть от конкретных обстоятельств...

– Простите, а вы также практикуете в этой клинике? – поинтересовался я.

Заболоцкий поднял на меня строгие глаза.

– Нет. Я предпочитаю вести собственное дело, – признался он. – Это, конечно, сужает мои возможности, но... – Он усмехнулся. – Я, знаете ли, по гороскопу кот, который гуляет сам по себе...

Дописав направление, он счел своим долгом подняться и вручить его Марине стоя.

– Итак, в любой удобный для вас день! Адрес указан на бланке.

Марина взяла направление и пробежала его глазами.

– Спасибо, – сказала она. – Но мы, наверное, должны вам за визит? Мы как-то сразу не поинтересовались...

Заболоцкий впервые за все время благодушно улыбнулся.

– Да-да, конечно, – ответил он. – Только прошу меня извинить, поскольку прием был, так сказать, неофициальным, карточку на вас я не завожу, вы меня понимаете? Разумеется, и такса в данном случае будет несколько ниже. В сущности, пустяки... С вас сто – в валюте, разумеется.

У меня невольно вытянулось лицо. Деньги, которые мы предполагали заплатить за визит, лежали в кармане моего пиджака, но совсем не в той валюте, о которой без конца повторял Заболоцкий.

– А нельзя ли, так сказать, в рублевом эквиваленте? – поинтересовался я.

Анатолий Александрович слегка поморщился.

– Понимаете, – объяснил он, – если бы вы обратились обычным порядком... А в подобных случаях у меня принцип – только валюта. Но если вы в настоящий момент не располагаете, ничего страшного. Занесете как-нибудь. Друзьям Бориса Иосифовича я доверяю безусловно...

Мы с Мариной смущенно переглянулись – ощущение было такое, будто мы уселись не в свои сани. Но, надо признать, строгий косметолог был достаточно великодушен. Прощаясь, он даже подал Марине плащ и проводил нас до дверей. Мы раскланялись и сошли с каменного крыльца.

– Интересно, какой специалист занимает вторую половину дома? – сказала Марина, оглядываясь на серый фасад, поблескивающий чисто вымытыми окнами.

– Тебе понадобился еще один специалист? – удивился я. – Судя по ухваткам этого типа, он вполне может претендовать на оба подъезда.

– А по-моему, очень приятный и солидный мужчина, – сказала Марина. – Мне он очень понравился.

– Так вот почему вы так долго сидели в кабинете! – с притворным гневом воскликнул я. – Теперь мне все понятно!

– Что тебе понятно? – сердито откликнулась Марина. – Кому нужна женщина с дефектами внешности, которые причиняют ей бесконечные страдания?

– Не скажи, – покачал я головой. – Например, один уже перед тобой...

Марина подняла на меня большие серьезные глаза и спросила:

– Кстати, что ты обо всем этом думаешь? Сумма не поразила твое воображение? Конечно, я смогу найти такие деньги... Но, может быть, лучше обойтись без этого?

– Я так не считаю, – убежденно ответил я. – В принципе этот Заболоцкий кругом прав. Шрамы, как говорится, украшают мужчину, а женщине они отравляют жизнь. Тебе это известно не понаслышке. А что касается суммы... Тут я тоже с ним вынужден согласиться. В данной ситуации, как говорят одесситы, вы платите деньги, но вы имеете вещь!

Мы вышли на улицу. Холодный ветер гулял над переулком, срывая с деревьев обессиленные листья. Они кружились в воздухе и падали на серый асфальт. Патлатого художника уже не было на прежнем месте.

– Мы его спугнули, – констатировала Марина.

– Просто он не справился с поставленной задачей, – ответил я. – Его дарования не хватило, чтобы запечатлеть на полотне твой прекрасный образ...

– Нет, это ты его обидел, – упрямо сказала Марина. – Художнику нельзя заявлять, что его картина «не похожа»... Это все равно что сказать хирургу, что он не там режет...

– Ну если он не там режет, то лучше бы сказать, – глубокомысленно заметил я.

– И у тебя хватило бы духу? – с сомнением спросила Марина. – Поправить своего коллегу?

– Ты не знаешь врачей, – усмехнулся я. – Каждый из них убежден, что правильно лечить умеет только он, а все остальные просто валяют дурака...

– Я так боюсь... – вдруг сказала Марина. – Ложиться одной, в неизвестную клинику, где только чужие люди... Ужасно! Вот если бы ты лег вместе со мной и иногда подсказывал коллегам, где нужно резать... – Она со вздохом посмотрела на меня. – Ты ничего не хочешь поправить в своей внешности? По-моему, у тебя чуть-чуть сплюснен нос, тебе не кажется?

– Не припомню, чтобы за время моих занятий боксом я получал серьезную травму, – возразил я. – И получал я в основном не по носу, а по челюсти... Но я с удовольствием составил бы тебе компанию и поменял бы нос, раз он тебе не очень нравится. Единственное препятствие – еще на одну операцию мы попросту не сумеем раздобыть денег... Но, клянусь, я буду навещать тебя ежедневно! Пожалуй, я даже возьму отпуск...

Мы уже подошли к автомобилю, и Марина отперла дверцы «Жигулей».

– Кстати о деньгах, – сказала она, озабоченно морща лоб. – Я рассчитывала обойтись без спонсоров. Но теперь чувствую, что эти надежды напрасны и мне придется пойти по миру с протянутой рукой... У меня капиталов – тысячи три, не больше.

– Тогда поехали с протянутой рукой ко мне, – предложил я. – У меня найдется пара тысяч. А недостающее я позаимствую у своей соседки. Думаю, она не откажет в таком пустяке...

Марина отпустила ручной тормоз, повернула ключ в замке зажигания.

– В общем, в результате у меня будет гладкая кожа и чистые карманы, – иронически заключила она.

– Твой психологический настрой далек от идеального, – заметил я. – Придется провести с тобой сеанс психотерапии, чтобы внушить тебе уверенность в правильности избранного

пути... – Я прикоснулся к ее плечу и попросил ехать к Садовому кольцу. – Заедем ко мне прямо сейчас, пока сомнения не взяли в тебе верх.

Марина слегка улыбнулась.

– Не очень представляю тебя в роли человека, внушающего уверенность, – заявила она. – Рядом с тобой я всегда ощущаю предчувствие какой-то катастрофы.

– Это еще один довод в пользу частной клиники, – заметил я. – Поскольку меня заведомо там не будет, ты будешь избавлена от любого рода катастроф. Все пройдет гладко, уверяю тебя!

Марина кивнула – так кивают женщины, когда хотят дать понять, что слова ваши их нисколько не убедили. В сущности, для меня было не столь важно, решила ли она изменить к лучшему свою внешность. На мое отношение это никак не могло повлиять. Но я видел, как угнетающе действовало на Марину сознание собственной неполноценности (на мой взгляд, безмерно преувеличенное!), как оно день за днем отравляло ей жизнь, и был настроен покончить с этим раз и навсегда. Встреча с Заболоцким была в этом отношении последней каплей, точкой отсчета, от которой отныне я намеревался двигаться только вперед.

Поэтому первым делом, чтобы не давать Марине времени на сомнения, я решил снабдить ее недостающими деньгами. Будучи человеком, одной ногой стоящим в прошлом, я хранил свои сбережения дома, а не в коммерческом банке, и в данный момент это представляло собой большое удобство. Кстати, так же поступала и моя соседка Ксения Георгиевна, на щедрость и великодушие которой я очень рассчитывал. Мы подъехали к моему дому, и Марина остановила машину. Я сбросил ремень безопасности и спросил:

– Ты поднимешься?

Марина отрицательно покачала головой.

– Пожалуй, я лучше посижу здесь и поразмышляю над своей судьбой, – сказала она с принужденной улыбкой. – Только ты, пожалуйста, недолго...

Я наклонился и поцеловал ее в губы.

– Разумеется, я сразу же вернусь, – пообещал я. – Женщина не должна размышлять слишком долго. Последствия могут быть самыми непредсказуемыми...

Я вышел из машины и направился к своему подъезду. Здесь тоже асфальт был усыпан пожелтевшими листьями – листопад начинался всерьез, и нас опять ожидала долгая скучная зима. Откровенно говоря, мне не по вкусу московская зима. Я с удовольствием удрал бы от нее на какие-нибудь острова. Некоторые люди, наверно, так и делают. Будучи оптимистом, я надеялся, что когда-нибудь мне удастся последовать их примеру. А пока я вошел в подъезд и поднялся в лифте на седьмой этаж. Ксения Георгиевна открыла далеко не сразу – теперь она стала весьма осторожной. Однако через некоторое время, необходимое для идентификации моей личности, послышался звон цепочек и щелканье замков, и в дверях появилось сморщенное, немного встревоженное личико Ксении Георгиевны.

– Здравствуйте, Володя! – обрадованно произнесла она. – Заходите!

– Да, я зайду! – сообщил я, проникая в прихожую. – Вы знаете, Ксения Георгиевна, у меня к вам неожиданная и весьма деликатная просьба...

– Да? Это действительно неожиданно, Володя! – сказала старуха. – Обычно я надоедаю вам своими просьбами... Я с удовольствием помогу, если это будет в моих силах...

Мы прошли в комнату, залитую янтарным светом осеннего солнца. Ксения Георгиевна усадила меня на диван и сама уселась рядом, сгорая от любопытства.

– Речь пойдет о деньгах! – выпалил я, чтобы сразу внести в дело полную ясность.

Ксения Георгиевна всплеснула руками.

– Я почему-то сразу об этом подумала! – заявила она. – Что нужно молодому человеку? У молодых есть все, кроме денег, правда?

– Совершеннейшая правда, Ксения Георгиевна! – подтвердил я. – Но вы можете подумать, что мне нужно рублей сто, а мне нужно гораздо больше. Вы как-то обмолвились, что делаете накопления, покупая доллары...

– А что остается делать? – перебила меня старуха. – Ведь наши деньги как вода, Володя!

– Я пришел к тому же выводу, Ксения Георгиевна, – сказал я. – Поэтому хочу попросить у вас займы тысячу долларов. Скоро отдать не обещаю, но буду прикладывать к этому все усилия!

Не знаю, что ожидала услышать от меня Ксения Георгиевна, но на лице ее появилось явное облегчение.

– Тысяча у меня есть! – довольно заявила она. – Разумеется, я вам ее одолжу, Володя! И не думайте о том, чтобы срочно ее вернуть. Куда старым людям деньги! Только если не дай бог помирать соберусь... Но этого я пока делать не собираюсь! – с хитрой усмешкой заключила она.

Затем она с великой торжественностью направилась к шкафу и достала оттуда шкатулку, в которой хранила свои капиталы. Часть капиталов перекочевала в мои руки, после чего мы расстались чрезвычайно довольные друг другом.

Еще проще обстояло дело с изъятием собственных накоплений – они у меня хранились без затей, просто в ящике письменного стола. Набив карманы деньгами, я вернулся к Марине. По-видимому, все было написано у меня на лице – она даже не стала ни о чем спрашивать, а лишь критически хмыкнула и завела мотор.

– Ну что, поедем ко мне? – спросила она немного погодя. – Как я понимаю, пути к отступлению отрезаны?

– Полагаю, что так, – ответил я непреклонно. – Сейчас мы сложим вместе все деньги и подготовим тебя к завтрашней госпитализации.

– Но я еще даже не договорилась на работе! – напомнила Марина. – Может быть, меня еще не отпустят...

– Не представляю, чтобы такой женщине могли отказать, – возразил я. – Такое может произойти только в том случае, если учреждение возглавляет тоже женщина. Но ведь в твоём случае это не так?

– О господи! – с шутливой досадой воскликнула Марина. – Как тебе хочется заточить меня куда-нибудь подальше! Но молчу! Я уже поняла, что если попадешь в поле профессиональной деятельности врача, то уже не вырвешься!

– Ты рассуждаешь, как мой приятель Чехов, – проворчал я. – Он тоже уверен, что врачебная профессия лишняя и даже вредная. Однако что нам делать, если вы ее упраздните? Мы ведь тоже хотим кушать...

– Ну, у некоторых имеется запасная профессия! – со смешком заметила Марина.

– Что ты имеешь в виду? – подозрительно осведомился я.

Марина повернулась и посмотрела на меня коротким лукавым взглядом.

– Если ты вспомнишь детали собственной биографии, – сказала она, – то поймешь, что я имею в виду непризнанных сыщиков!

Глава 2

Клиника располагалась едва ли не в самом конце Измайловского проспекта и в некотором отдалении от проезжей трассы. Ее силуэт как бы угадывался сквозь золотую пену осеннего парка. Впрочем, до самых ворот был уложен вполне приличный асфальт, и, свернув на него, мы вскоре могли рассмотреть здание более подробно.

Это было солидное двухэтажное строение, сложенное из красного и белого кирпича. По прихоти архитектора оно чем-то отдаленно напоминало крепость, что, может быть, было оправданно, учитывая, в каком глухом уголке находилась клиника.

Мы с Мариной вышли из такси и достали из багажника вещи.

– Вас ждать? – поинтересовался водитель, меланхоличный кудрявый парень.

– Не стоит, – ответил я решительно. – В крайнем случае мы как-нибудь доберемся...

Водитель кивнул и развернул машину. Мы некоторое время стояли молча, глядя, как исчезает за деревьями желтая «Волга», а потом направились к дверям клиники.

Территория была обнесена невысоким забором из красного кирпича. По всему периметру здания возвышались пожелтевшие клены, оставляя открытым только фасад. Вероятно, эти деревья росли здесь уже давно и были намеренно сохранены, когда на месте клиники еще только расчищалась стройплощадка. Все остальное пространство двора было покрыто ровным слоем асфальта, усыпанного теперь золотыми листьями. Прямо за забором начинался лесопарк, и в тишине было слышно, как шумит ветер в кронах деревьев. Место было весьма поэтическое.

– Можно считать, что ты попала в санаторий, – сказал я Марине.

– Да, здесь хорошо! – ответила она, одобрительно глядя по сторонам. – Но как-то пустынно, ты не находишь?

– Сейчас утро, – напомнил я. – Все заняты делом. Зато в хорошую погоду здесь можно, наверное, совершать прогулки по лесу, грибы собирать...

– Не думаю, чтобы пациенты этой клиники шлялись по лесу, – заметила Марина. – По моему, они должны вести более замкнутый образ жизни.

Мы поднялись по ступеням и вошли в холл. Здесь было просторно и чисто. Стены украшало панно, в несколько стилизованном виде изображавшее гибкие женские фигуры. Видимо, оно символизировало красоту человеческого тела, возвращение которой обещало учреждение. Мест для сидения в холле не было, а стоял только небольшой столик с телефоном и стул, на котором сидела молодая женщина в белом халате. Увидев нас, она поспешила нам навстречу. Я обратил внимание, как тщательно подогнан по фигуре ее халат. Увы, это печальная закономерность – белые халаты в частных клиниках сидят на сотрудниках гораздо элегантнее, чем в государственных, и пуговицы на них пришиты одинаковые и не поврежденные адским жаром стерилизатора.

– Добро пожаловать! – медовым голосом произнесла девушка, но ее черные глаза обшаривали нас сосредоточенно и строго. Она явно старалась сообразить, кто мы – пациенты, просто гости или не дай бог комиссия. – Вы чего-то хотели? Может быть, я могу вам помочь?

– Ну разумеется, хотели, – с усмешкой сказала Марина, которую раздражала преувеличенная имитация внимания. – Не погреться же мы зашли... – Она достала направление, выпи-санное Заболоцким, и протянула его девушке.

Та, нахмутив брови, пробежала текст глазами и с прежней интонацией произнесла:

– Прошу извинить, в настоящий момент все врачи заняты, и придется подождать. У нас принято, что Михал Михалыч лично беседует с каждым новым пациентом... Он скоро освободится, а пока пройдите, пожалуйста, со мной – я провожу вас в комнату для посетителей. Там вам будет удобно.

Все это произносилось мягким, любезным голосом, но очень смахивало на хорошо затверженный урок. Я подумал, что, наверное, эта девочка и в самом деле заучивала наизусть эти непривычные для нее формулы вежливости, старательно морща лобик и сокрушенно вздыхая.

Впрочем, комната для посетителей оказалась очень удобной и спокойной. Она была обставлена мягкой мебелью и украшена со вкусом подобранными пейзажами – картины причем были не репродукциями, а подлинниками. В углу стоял большой телевизор «Сони», а на столике из толстого стекла лежал ворох глянцевого журналов, среди которых преобладали рекламные проспекты косметологических фирм.

Мы опустились на диван и посмотрели друг на друга. Я заметил, что Марина опять начинает нервничать.

– Может быть, включить телевизор? – предложил я.

– Это совершенно лишнее, – поморщилась Марина. – Может быть, здесь мне как раз удастся хоть на время избавиться от этих ужасных новостей и ненормальных реклам...

– Да, это верно, – вздохнул я и посмотрел в окно. – Не стоит портить очарование этого райского уголка...

– Не уверена, что можно считать раем место, где бродят хирурги с окровавленными ножами, – проворчала Марина.

– Ты снова впадаешь в минорный тон, – с тревогой заметил я. – Но ведь мы, кажется, все обсудили и решили, что все будет в порядке.

– Да я просто жду не дождусь, когда все начнется, – сказала Марина.

Ждать пришлось не слишком долго. Неожиданно и бесшумно отворилась дверь, и на пороге появился человек в белом халате, с виду наш ровесник, в котором с первого взгляда угадывался хирург, хотя окровавленного ножа при нем не было. У него было самоуверенное горбоносое лицо и тонкие шелковистые усики над верхней губой. Белый халат ему очень шел, и он, кажется, чувствовал это.

– Добрый день! Мне сказали, что здесь у нас новенькие? – сказал он, немного рисуясь. – Моя фамилия Маслов. Маслов Валентин Андреевич. Не исключено, что ваш лечащий врач, – добавил он с самодовольной улыбкой. – Если не возражаете, то сейчас же и приступим. Сначала я должен представить вас нашему руководителю – Михал Михалычу Миллеру... Мы зовем его между собой МММ, – пояснил он весело. – Он привык быть в курсе всех дел.

Он предложил нам следовать за собой и повел по коридору, охотно давая на ходу пояснения.

– Клиника у нас маленькая, но, по-моему, уютная, – рассуждал он. – Здесь, на первом этаже, у нас административные кабинеты, столовая, бухгалтерия... Меню у нас, кстати, прекрасное! Наверху палаты – двухместные и одноместные. Каждая палата оснащена отдельным санузелом! – с гордостью пояснил он. – В другом крыле, вы, наверное, его не заметили, оно пристроено к зданию буквой «Т», располагаются лечебные кабинеты, операционные, лаборатории... Все по последнему слову техники! Мы не жалеем средств, но зато и больным приходится раскошелиться! – засмеялся Маслов. – Впрочем, никто пока не жаловался. Значит, не считает, что деньги выброшены на ветер! Итак, прошу вас, проходите в кабинет!

Он сделал серьезное лицо, выпрямил спину и показал нам на дверь с табличкой: «Главный врач Миллер М. М.». Сам он вошел последним, старательно сохраняя на лице деловую и почтительную мину. Видимо, МММ ценил в своих сотрудниках именно это качество. Первое, что мы увидели, попав в кабинет, была идеально круглая розовая лысина, склонившаяся над полированной поверхностью стола. По своему блеску она вполне могла соперничать с этой поверхностью. Едва мы вошли, лысина стремительно дернулась, уступая место добродушно-круглому румяному лицу с гладко выбритыми щеками, двумя подбородками и картофелеобразным носом. Однако эта округлая симпатичная физиономия не могла меня обмануть

– все тот же напряженный, уверенный взгляд из-под густых бровей сразу выдавал специалиста, привыкшего принимать нелегкие решения и брать на себя ответственность за чужие жизнь и здоровье.

– Добро пожаловать! – приветливо сказал Миллер и поднялся нам навстречу с прытью, которой от него было трудно ожидать. – Я очень рад, что вы выбрали именно нашу клинику! Постараемся не обмануть ваших ожиданий... Кстати, кто вам рекомендовал обратиться к нам? Доктор Заболоцкий? Понимаю, понимаю... Разрешите взглянуть на его запись?

Марина протянула толстяку направление. Он похлопал по нагрудному карману халата, достал оттуда очки в массивной оправе и водрузил их на нос. Примерно минуту он изучал направление, а затем решительно взглянул на нас поверх толстых стекол.

– Я думаю, мы справимся с вашей проблемой! – уверенно заключил он. – Поскольку Валентин Андреевич уже здесь, передаю вас в его руки. Он у нас дока по части кожной пластики. Решите с ним все вопросы... Кстати, рекомендую плату за лечение внести сразу – по приблизительной стоимости, – в итоге это будет для вас выгоднее, поверьте!

– Сколько времени займет лечение? – поинтересовался я.

– С этими вопросами – к Валентину Андреевичу! – снисходительно улыбнулся Миллер. – И то, я думаю, после предварительного обследования, не так ли, Валентин Андреевич?

Доктор Маслов кашлянул и машинально погладил усики.

– Совершенно верно, Михал Михалыч! – поддакнул он.

– Но, простите, раз вы берете плату предварительно, – возразил я, – значит, вы ориентируетесь на некие сроки? И, кроме того, существуют же разработанные стандарты... Я понимаю, что каждый случай индивидуален, но в общих чертах назвать сроки можно?..

Миллер дотошно осмотрел меня с головы до ног и засмеялся сдержанным, каким-то булькающим смехом.

– Сразу чувствуется профессионал! – морща толстый нос, сказал он и снял очки. – Как же я не угадал в вас коллегу? В общем-то, я убежден, что врач должен обладать задатками Шерлока Холмса, и вот такой конфуз! Признаться, я принял вас за спортсмена, тренера, может быть. Вы хирург?

– Нет, – покачал я головой. – Терапевт скорее.

– Ну все равно! – воскликнул Миллер, размахивая руками. – В ваших словах есть несомненный резон. Но я не называю сроков намеренно, чтобы не сглазить. Дело в том, что нами разработаны весьма эффективные схемы лечения, позволившие значительно сократить период реабилитации. Конечно, они не всегда срабатывают, поэтому мы все-таки осторожны в прогнозах. Но, раз вы настаиваете, учитывая заключение коллеги Заболоцкого, я с большой долей уверенности могу говорить о трех-четырех неделях... Вы удовлетворены?

Мы с Мариной переглянулись. Ее взгляд я, скорее всего, назвал бы кислым, но отступить уже было действительно поздно.

– Нам ничего другого не остается, не правда ли? – сказал я.

– Вот и отлично, – похвалил Миллер и повелительно взмахнул очками. – Итак, Валентин Андреевич, слово за вами!

Аудиенция закончилась, и коллега Маслов увел нас из кабинета, снова превращаясь в словоохотливого гида.

– Сейчас мы с вами займемся, – обратился он к Марине. – Я проведу первоначальный осмотр, но к лечению мы приступим далеко не сразу. В первые дни вы пройдете углубленное обследование плюс усиленное калорийное питание и физиопроцедуры... Мы должны быть убеждены в надежности вашей иммунной системы... Однако же в отношении оплаты я бы присоединился к рекомендациям Михал Михалыча. Конечно, вы можете расплатиться и впоследствии, по получении нашего счета. Но предоплата имеет свои преимущества. Тогда вас

не затронет возможное повышение цен на услуги и медикаменты. Да и сроки лечения, сами понимаете, могут затянуться. Тогда вы опять окажетесь в выигрыше...

Мне уже было ясно, что вопросы оплаты, предоплаты и прочая бухгалтерия мучают работников этой клиники непрерывно – это была как бы живая иллюстрация к газетному заголовку «В мире чистогана». Впрочем, характер их работы позволял сосредоточиваться на расчетах без особого ущерба для здоровья пациентов. В реанимации у них просто не было бы на это времени.

– Пожалуй, мы немного посоветуемся, с вашего позволения, – ответил я. – Кстати, из чистого любопытства – на кого вы работаете? Миллер – главный врач, но кому принадлежит клиника?

Маслов растерянно улыбнулся и снова потрогал свои усики – по-моему, он черпал в них силу в трудные моменты жизни.

– Михал Михалыч одновременно является хозяином клиники. Вернее, совладельцем, – поправился он. – Так говорят. Но мы предпочитаем не вдаваться в подробности. Наш коллектив сосредоточен на своей работе, – заключил он.

– Это весьма похвально, – заметил я. – Но мы вас оставим на минуту. Удалимся, так сказать, на совещание...

Мы отошли с Мариной в сторонку.

– Ну, что будем делать? – поинтересовался я. – Какую предпочтем форму оплаты?

– Слу-у-шай! Давай сделаем, как они хотят! – жалобно сказала Марина. – У меня уже голова идет кругом.

– Ну хорошо, тогда я иду в бухгалтерию, а тебя препоручаю этому гусару, – сказал я. – Узнай обязательно, когда здесь разрешены посещения, ладно?

– Неужели за шесть тысяч долларов мы будем еще ограничивать себя в посещениях? – возмущенно проворчала Марина.

Мы возвратились к скучающему в отделении Маслову и сообщили о своем решении.

– Отлично! – сказал он. – Тогда мы заглянем сейчас на секунду в бухгалтерию и обговорим детали...

Он с удовольствием затащил меня в бухгалтерию и оставил наедине с бухгалтером – женщиной лет сорока, столь же любезной, сколь и въедливой, и мы провели с ней, наверное, целый час, манипулируя цифрами – каждый, разумеется, в свою пользу. В результате я оставил всю наличность в их кассе и вышел из бухгалтерии с квитанцией и легким сердцебиением.

Марина ждала меня в комнате для посетителей – ее вещей там уже, кстати, не было.

– Чем ты занимался? – спросила она. – Я успела пройти осмотр и заполнить историю болезни, получила отдельную палату и почти уже обосновалась, а тебя нет и нет...

Я вздохнул и развел руками.

– А я занимался тем, что тратил наши деньги. И весьма преуспел в этом. У нас теперь нет ни копейки.

– Не забудь, что мы должны заплатить сотню Заболоцкому, – напомнила Марина.

– Я что-нибудь придумаю, – пообещал я. – А теперь я, пожалуй, тебя покину – нужно решить еще вопрос с моим отпуском. Думаю, особых трудностей не будет – отпуск мне положен. Поэтому я буду навещать тебя очень часто, одиночество тебе не грозит. Уже завтра я буду здесь. Приеду прямо с утра, и ты расскажешь, как идет адаптация...

Мы довольно спокойно расстались – настроение у Марины к тому времени значительно улучшилось. Так же спокойно я ехал к ней следующим утром, никак не предполагая, что рассказ Марины о первом дне в клинике будет таким невероятным, что я не поверю собственным ушам...

Глава 3

Сначала все было как обычно. Доктор Маслов перепоручил Марину улыбчивой пожилой медсестре, которая взяла у нее кровь на анализ, весело предупредив напоследок:

– Это еще не все! Завтра придется повторить анализ натошак. Поэтому, голубушка, придется вам посидеть сегодня без ужина...

Это Марину не смутило – она уже вошла во вкус больничных процедур и с большим любопытством прошла дальнейшее обследование, включавшее в себя электрокардиограмму, рентген и ультразвуковое исследование. Правда, на вопросы о результатах медицины только вежливо улыбались и отделялись стандартным словом «нормально», но, поскольку из больницы ее не выгнали, Марина была вынуждена этому «нормально» поверить. Впрочем, самочувствие подсказывало ей, что заверения врачей не расходятся с истиной.

За процедурами время бежало совершенно незаметно, и Марина не успела оглянуться, как подошел срок обедать. Ее проводили в столовую и показали, где есть свободные места. Поколебавшись, Марина выбрала столик у окна, за которым сидел один человек – мужчина, на лицо которого была наложена повязка, закрывавшая нос. Он выглядел одиноким, немного смешным и несчастным, в голубой шелковой пижаме.

Марина приблизилась к столику и, поздоровавшись, сказала:

– Вы не возражаете?

Мужчина скользнул по ней равнодушным взглядом и суховатым пояснил:

– Я не у себя дома, чтобы возражать. Но учтите, человек я некоммуникабельный, приятным собеседником быть не в состоянии...

Марина была задета его тоном, но не подала виду. Она опустила на стул и вежливо сказала:

– Я вовсе не претендую на беседу. Но, надеюсь, вы не откажете мне в любезности кое-что объяснить. Я здесь первый день и даже не знаю, как вести себя в столовой. Мне следует самой идти за обедом, или...

– Никуда вам не нужно идти, – пояснил сквозь зубы мужчина. – Вам принесут что полагается. Здесь все расписано как по нотам. У вас есть еще вопросы?

Марина с интересом посмотрела на него. Без носа его лицо было никаким – черты казались словно размытыми. Стриженные русые волосы, сердитые серые глаза, острый подбородок. «Интересно, чем ему не понравился собственный нос?» – подумала она.

– Пожалуй, только один вопрос, – сказала она. – Как ваше имя? Неудобно общаться, не зная имени. Меня зовут Марина.

– Очень приятно, – саркастически сказал мужчина. – А меня – Григорий. Но я не собираюсь ни с кем общаться, понимаете?

– Я не имела в виду разговор по душам, – объяснила Марина. – Общаться в пределах «здравствуйте», «передайте, пожалуйста, соль», ну и так далее... Вот что я имела в виду.

Ей вовсе не хотелось общаться, но упрямство незнакомца начинало ее забавлять.

– Кажется, вы вынудите меня подыскать себе другой столик, – пробормотал досадливо Григорий, и в самом деле начавший поглядывать по сторонам.

Но в этот момент принесли обед, и неловкость момента была сглажена. Здесь действительно все было расписано как по нотам. Расторопная девушка в белом фартуке составила с подноса на стол бульон с зеленью, салат, отварную курицу, наполнила высокий бокал шипящей минеральной водой, а также поставила перед Мариной второй бокал, в котором плескалось красное, терпко пахнущее вино. Марину также приятно удивило наличие в меню бутербродов с красной икрой и то, что икра была, безусловно, свежей!

Марина, которая к тому времени здорово проголодалась, набросилась на еду, запивая ее вином, оказавшимся превосходным на вкус. Она попыталась угадать марку вина, но ограниченный опыт в этой области не позволил ей этого сделать. Немного утолив голод, она обратила внимание, что ее сосед ест плохо и неохотно, практически оставляя порцию на тарелке нетронутой. Немного расслабившись после вина, Марина заметила:

– Вы плохо едите! Я слышала, что для лучшего заживления тканей необходимо полноценное питание. Вы же не хотите, чтобы ваш нос заживал дольше, чем нужно?

Григорий вздохнул, отложил в сторону вилку и промокнул губы салфеткой.

– Если бы вы знали, до какой степени мне наплевать на свой нос! – сказал он и поднялся из-за стола.

Марина поняла, что слегка переборщила, но сказать в свое оправдание уже ничего не успела – Григорий повернулся и довольно поспешно покинул столовую. Тогда Марина перенесла свое любопытство на других посетителей.

В зале было около пятнадцати столиков, это означало, что столовая рассчитана на шестьдесят человек. Видимо, это был тот максимум пациентов, который могла принять клиника. Марина попробовала перемножить в уме шесть тысяч на шестьдесят и еще на двенадцать, чтобы прикинуть примерный годовой доход заведения, но запуталась и решила сделать это позже – на бумаге.

Еще она обратила внимание, что столики заполнены далеко не все – в зале было человек тридцать, причем большую часть пациентов составляли женщины. Мужчин Марина насчитала всего шесть человек. Вместе с отсутствующим Григорием получалось семь. Видимо, традиция сохранялась – женщины, как всегда, пеклись о своей внешности – даже ценой хирургического вмешательства, – а мужчины махнули на все рукой.

Примечательным было и то, как неохотно и скупно общались между собой все эти мужчины и женщины, в отличие от пациентов обычных больниц. В столовой было необыкновенно тихо и даже неуютно, несмотря на современный дизайн помещения, наличие цветов на столиках, отличное меню.

Подобное уныние и разобщенность Марине доводилось ранее наблюдать лишь в психиатрических больницах, из чего она могла теперь сделать вывод о прямом влиянии косметических дефектов на психику. И еще она поняла, что не стоит пытаться заводить здесь короткие знакомства. Печальный опыт общения с чудаковатым Григорием подтверждал это.

Закончив обедать, она отправилась к себе в палату. Марина заметила, что большинство пациентов спешат сделать то же самое. Однако по пути ее снова повстречала улыбчивая медсестра и напомнила:

– Не забудьте – сегодня вы без ужина! Впрочем, даже если вы, голубушка, забудете – за этим проследят. Я просто не хочу, чтобы это было для вас неприятным сюрпризом, понимаете?

Поскольку никаких дел теперь у нее не осталось, Марина отправилась к себе в палату и завалилась спать. Она не догадалась захватить с собой даже книгу, а от телевизора действительно категорически решила отказаться. Не будучи уверена в том, что она не нарушит каких-то правил, Марина не рискнула также выбраться на прогулку. Таким образом, она нашла себе единственное занятие – сон. И надо сказать, что в этом тихом и уютном уголке спалось прекрасно. Единственным недостатком такого времяпрепровождения было то, что спать бесконечно невозможно, и как раз к отбою Марина уже была на ногах, необыкновенно свежая и бодрая.

Теперь она ломала голову, чем ей занять ночь. Прежде всего она попыталась прогуляться по коридорам больницы. Но коридор, в который она вышла, был уже пуст. Над столом постовой медсестры горела яркая лампа – самой медсестры на месте не было. Марина неторопливо шагала по бесшумной ковровой дорожке, расстеленной под ногами. Ее палата находилась в

самом конце правого крыла здания, поэтому Марина прошла мимо двадцати закрытых дверей, прежде чем добралась до медсестринского поста.

Он располагался как раз посередине коридора, и именно здесь шла лестница на первый этаж. Но там Марина уже была, и ее больше заинтересовала дверь, закрытая волнистым стеклом, которая вела в пристройку здания, где, как объяснял доктор Маслов, располагались операционные. Двигимая любопытством, Марина толкнула тяжелую дверь, которая неожиданно легко и бесшумно распахнулась, открывая темное пространство длинного коридора, наполненного острыми медицинскими запахами. В этом коридоре было слишком неуютно, и Марина уже собиралась закрыть дверь, как вдруг ее внимание привлекла узкая полоска света в самом конце темного коридора. Поколебавшись, Марина все-таки решила посмотреть, что там такое, и, притворив за собой стеклянную дверь, направилась с замирающим сердцем в сторону светящейся полоски. Что она надеялась там увидеть, Марина и сама не знала. Позже она признавалась, что ее вело жгучее подсознательное любопытство – она чувствовала себя в тот момент десятиклассницей, получающей кайф от нарушения запретов.

Впрочем, ничего особенного в конце коридора не оказалось. Пройдя ряд застекленных, темных дверей, за которыми, видимо, находились помещения, предназначенные для процедур и операций, Марина оказалась возле приоткрытой деревянной двери, из-за которой и лился свет.

Приоткрыв дверь пошире, Марина одним глазком заглянула в комнату и с удивлением убедилась, что перед ней больничная палата. Марина не думала, что в этом крыле также имеются помещения для больных. Но это было, конечно, так – напротив располагалась еще одна деревянная дверь – впрочем, запертая, в чем она убедилась, подергав ручку. Марина снова заглянула в первую палату – та была пуста, но там, несомненно, кто-то жил. Это было ясно по беспорядку, царившему на постели, по зажженному свету, по раскрытой книге, небрежно брошенной на столик вверх обложкой. Марина обратила внимание, что это был роман Стивена Кинга «Зеленая миля».

Опасаясь, что в любой момент может вернуться хозяин и потребовать у нее отчета, Марина закрыла дверь и огляделась. Теперь ее занимал вопрос, куда, собственно, мог деться этот одинокий, заброшенный пациент.

Коридор заканчивался еще одной дверью. Марине показалось, что она прикрыта тоже не очень плотно. Любопытствовать так любопытствовать, решила она и открыла эту дверь. За дверью была лестница, освещенная неяркой лампочкой, закрытой для безопасности плафоном. Видимо, это был аварийный выход. Снизу тянуло холодом.

На Марине ничего не было, кроме легких туфелек и розовой пижамы – администрация клиники со своеобразным юмором определила каждому полу свой цвет больничной одежды: мужчинам голубой, а женщинам – розовый.

Однако Марине захотелось во что бы то ни стало выглянуть немедленно на улицу. Она спустилась по лестнице и увидела выход, ведущий во двор клиники. Дверь была открыта настежь, и Марина вышла наружу.

Прохладный ветерок ударил в лицо и пробрался под легкую одежду. Обхватив плечи ладонями, Марина сделала несколько шагов, с любопытством оглядываясь по сторонам. Эта часть двора была погружена в полумрак – свет фонарей, горящих вдоль кирпичного забора, едва добирался сюда. Здание также было почти полностью затемнено – только в некоторых окнах пробивался сквозь шторы приглушенный свет ламп.

Марина прошла чуть дальше в сторону забора, за которым таинственно шумел лесной массив, казавшийся отсюда мрачной черной стеной. Ей показалось, что в углу двора в заборе темнеет калитка. Однако становилось холодно, и Марина повернула назад – импровизированная прогулка не оправдала ее ожиданий.

И в этот момент за спиной у нее раздался резкий хлопающий звук. Марина вздрогнула и застыла на месте. Звук повторился еще дважды – он донесся оттуда, где Марина увидела калитку. У нее не было никаких сомнений – это стреляли из пистолета с глушителем.

Потом Марина сама не могла объяснить, что заставило ее броситься на звук выстрелов. Она обмирала от ужаса, но ноги сами несли ее к калитке. Железная дверь была распахнута, и Марина, выскочив со двора клиники, почти сразу наткнулась на человеческое тело. Она вскрикнула и на секунду остановилась.

Своим криком она спугнула убийцу. Склонившийся над телом человек отпрянул и тут же бросился бежать. Было очень темно, и Марина сумела рассмотреть только неясную тень и смутную белую полосу поперек лица убегающего человека. Почему-то сразу в голову ей пришла мысль о нелюдимом Григории из больничной столовой.

Но догонять его Марина, конечно, не собиралась. Она опустилась на колени и приподняла голову раненого. Лицо человека казалось неестественно белым, словно искусственным. Марина вдруг поняла, что оно попросту замотано бинтами. Замерзшими пальцами она нащупала сонную артерию на шее человека – сердце его уже не билось. Марина вскочила на ноги и растерянно оглянулась. Она хотела позвать на помощь, но вокруг были только темнота и шум леса. Тогда Марина поспешно побежала назад, в корпус. Не заботясь уже о конспирации, она с грохотом взлетела вверх по аварийной лестнице и ворвалась в коридор операционного блока.

Здесь она прежде всего опять заглянула в одинокую палату – там абсолютно ничего не изменилось. Действительно ли здесь лежал любитель ночных прогулок – выяснять было некогда. Марина сбросила с ног туфли и босиком побежала вдоль по коридору. Наконец она толкнула стеклянную дверь и чуть не сшибла с ног постовую медсестру, которая встревоженно прислушивалась у дверей к неожиданному шуму.

– Вы откуда, девушка? – ошарашенно спросила медсестра, отступая на шаг и пытаясь придать своему голосу необходимую строгость. – Что вы делали в операционном блоке?

Марина не сразу сумела перевести дыхание. Она схватила медсестру за руку и, умоляюще глядя ей в глаза, едва выговорила:

– Там... возле калитки... убит человек!

Медсестра освободила руку и недоверчиво сказала:

– Что вы такое говорите? Какой человек?

– Наверное, ваш пациент! – нетерпеливо ответила Марина. – Я думаю, из той палаты, что в конце того коридора. – Она махнула рукой в сторону оперблока.

– Но у нас нет там палат! – удивленно возразила медсестра. – Все больные находятся в этом крыле...

– Давайте не будем спорить, – предложила Марина, – а пойдем и посмотрим!

Медсестра замаялась.

– Но... я не могу покидать свой пост... Вдруг кому-то из пациентов станет плохо? Кстати, вы из какой палаты?

– По-моему, из сорок четвертой, – ответила Марина.

– Та-ак, – пробормотала медсестра, сверяясь со списком, который лежал у нее на столе. – Значит, вы – Антипова?

– Да-да, это я, – сказала Марина. – Но какое это имеет значение?

– А как же вы могли попасть во двор? – недоверчиво спросила медсестра.

– Через аварийный выход, – сказала Марина.

– Но он всегда на ночь закрывается! – воскликнула девушка.

– Какая вы упрямая, – вздохнула Марина. – Если вам это неинтересно, то проводите меня к дежурному врачу. Ведь у вас есть дежурный врач?

Медсестра отвела глаза.

– Понимаете, дежурный врач в последний момент заболел, и его нечем было заменить... Так что сегодня я и за врача, и за медсестру. – При этих словах она попыталась улыбнуться, но улыбка у нее не получилась.

– Меня не интересуют ваши служебные неурядицы! – сказала Марина. – На территории клиники совершено преступление, и вы обязаны на это отреагировать!

– И что же я должна сделать? – робко произнесла медсестра. – Вызвать милицию? А вдруг вы ошиблись?

– Так я же предлагаю вам пойти со мной! – рассердилась Марина. – Неужели так трудно сообразить? За эти пять минут ничего без вас не случится...

– Ну-у, я не знаю, – протянула медсестра. – Тогда надо, наверное, позвать Лешу... Это наш охранник. Я сейчас его позову. – И она повернулась, намереваясь направиться к лестнице, ведущей на первый этаж.

– Подождите минуточку! – окликнула Марина. – Вы случайно не знаете, как фамилия пациента по имени Григорий? У него еще такая вот повязка на носу...

Девушка на секунду задумалась.

– Вы, наверное, имеете в виду пациента Краснова? – сказала она.

– Может быть, – согласно кивнула Марина и опустилась на стул. Только сейчас она почувствовала, как дрожат ее колени.

– Так я схожу за Лешей, – повторила медсестра и исчезла.

Марина притянула к себе список пациентов и пробежала его глазами – пациент Краснов в нем присутствовал. Он числился в тридцатой палате.

Снизу послышался торопливый шум шагов – появились медсестра и охранник, высокий чернявый парень с широким скуластым лицом. Против обыкновения на нем был приличный темно-синий костюм вместо пятнистой униформы, которую так любят сотрудники охранных агентств.

К чести его, Леша не стал ломаться и задавать лишних вопросов. Он только поинтересовался, каким способом совершено убийство, а когда узнал, что убийца стрелял, расстегнул пиджак и сунул за пояс пистолет, который лежал у него в кобуре под мышкой.

– Пожалуй, вам лучше бы что-то на себя накинуть, – сочувственно сказал он Марине. – На улице холодно...

– Вообще-то, я не понимаю, что заставило вас разгуливать ночью в таком виде, – добавила медсестра подозрительно. – У вас с нервами все в порядке?

Марина оценила деликатность вопроса – подразумевалось, конечно, все ли у нее в порядке с головой. Но в тот момент ей не хотелось обсуждать этот вопрос, он ей самой не был до конца ясен. Она просто сходила в палату и накинула поверх пижамы свой плащ.

Через операционный блок они шли уже при включенном свете. Медсестра зажгла все лампы в коридоре, и яркий мертвенный свет неоновых трубок резал глаза. В конце коридора Марина показала на дверь комнаты, куда она только что заглядывала.

– Вот эта самая палата, – сказала она.

Охранник с медсестрой переглянулись, и девушка потянула на себя ручку двери. И здесь случилась первая неожиданность – дверь оказалась запертой.

– Надо постучать, – потребовала Марина.

– Стучите хоть всю ночь, – заявила медсестра. – Здесь у нас не лежат больные.

Марина присмотрелась и увидела, что через замочную скважину не пробивается свет. Если кто и находился в палате, то он никак не собирался обнаруживать себя.

– Ладно, – хмуро сказала Марина. – Разберемся утром. Пойдемте дальше.

Она решительно шагнула к двери, ведущей на лестницу, и обнаружила, что и она заперта.

– Кто-то нас опередил, – разочарованно произнесла она. Не было никакого сомнения, что дверь заперли и внизу тоже.

– Я же говорила, что аварийный выход закрыт! – торжествующе сказала медсестра.

– Но он только что был открыт! – возразила Марина, начиная нервничать. – Его запер тот, кто прячется в вашей неучтенной палате!

Медсестра посмотрела на нее исподлобья, едва сдерживаясь. Марина уже начинала ее раздражать.

– Давайте сделаем так, – предложил охранник. – Татьяна сейчас принесет ключи от этого выхода, и мы сходим туда, где вы видели тело. Если там действительно обнаружится убитый, мы созвонимся с Михал Михалычем и обрисуем ему ситуацию... Он хозяин – ему решать.

Медсестра Татьяна казалась весьма недовольной, но за ключами отправилась без возражений, стараясь, правда, сохранять при этом самый независимый вид.

– А в самом деле, зачем вам понадобилось выскакать на улицу в одной пижаме? – поинтересовался охранник, когда они остались с Мариной наедине. – Вы что-то заметили необычное? Или услышали?

– Да ничего я не заметила, – принужденно улыбнулась Марина. – Я редко лежу в больницах, и, наверное, мне просто стало тошно. Прибавьте к этому извечное женское любопытство и бессонницу... А в этом крыле действительно не лежат больные? Но я видела собственными глазами.

– Иногда лежат, – усмехнулся Леша. – Но здесь лежат особо блатные больные... Те, которыми занимается сам Михал Михалыч. Просто дело в том, что он очень не любит, когда лезут в его личные дела. А ведь вся клиника, по сути, является его личным делом. Поэтому Татьяна встречает ваши вопросы так агрессивно. Если она будет чересчур много болтать, то завтра же вылетит с работы...

– А вы? Почему вы не столь агрессивны? – поинтересовалась Марина. – Вам не грозит увольнение?

– Мы работаем от агентства, по найму, – объяснил Леша. – По большому счету мне все равно, кого охранять... А вот и Татьяна!

Медсестра принесла ключи и, не говоря ни слова, отперла дверь запасного выхода. На лице ее было написано снисходительное презрение – она как бы давала понять, что считает всю эту затею полной глупостью и принимает в ней участие только потому, что не хочет обострять отношения с сумасшедшей пациенткой.

Как и предполагала Марина, нижняя дверь тоже оказалась запертой. Открывая замок, Татьяна не удержалась и посмотрела на нее со злорадством. «Посмотрим, что ты запоешь, когда увидишь труп», – подумала Марина.

Выйдя во двор, охранник зажег карманный фонарик и предусмотрительно взял в руку пистолет. Кажется, он не считал рассказ Марины полным бредом, и она почувствовала к нему что-то вроде благодарности.

После всех неожиданностей можно было ожидать, что запертой окажется и калитка в заборе, но этого как раз и не случилось.

– Он лежит совсем рядом, в трех шагах от забора, – прошептала Марина.

Леша кивнул и, посвечивая себе фонариком, шагнул в калитку. Марина последовала за ним, а медсестра осталась стоять во дворе, демонстрируя полнейшее безразличие к дальнейшим изысканиям.

Леша сделал несколько шагов вперед, полосуя темноту ярким электрическим лучом, а потом остановился и с интересом спросил:

– И где же труп?

Марина подошла к тому месту, где она наткнулась на лежащего человека, и растерянно сказала:

– Он только что был здесь... Неужели тело уже кто-то спрятал?

Охранник осветил асфальт под ее ногами и заметил:

– Ни пятен крови, ничего... Вы действительно уверены, что видели его здесь?

– Я держала в руках его голову! – возмущенно сказала Марина. – Она была перемотана бинтами!

Леша хмыкнул и не спеша начал обшаривать лучом фонарика пространство вокруг.

– А что это вообще за площадка? – спросила Марина.

– Это стоянка для автомобилей сотрудников, – объяснил Леша. – Въезд на нее идет по ту сторону, начинаясь от проспекта. А через калитку владельцы транспорта попадают на территорию клиники. Если вы думаете, что тело отсюда вывезли на машине, то вряд ли: во-первых, мы бы с вами это заметили – ночью шум мотора хорошо слышен в здании, а во-вторых, лично я не повез бы труп из леса в город – я бы поступил наоборот.

– Но в лес отсюда, надо понимать, не проедешь? – догадалась Марина.

– Нет, почему же? – спокойно ответил охранник. – По ту сторону стоянки в лес уходит просека. Она не заасфальтирована, но ездить по ней можно. Да и к тому же, я полагаю, если приспичит, то утащишь мертвеца на руках. В любом случае искать теперь нужно в чаще. Если, конечно, есть что искать...

– Значит, вы мне тоже не верите... – сердитым голосом заключила Марина. – Вы тоже думаете, что у меня поехала крыша?

– Не стоит так волноваться, – мягко заметил Леша. – Я человек очень конкретный. А вы все-таки не господин бог, чтобы я вам верил или не верил. Согласитесь, что пока у нас нет ни одного доказательства и было бы смешно поднимать шум. Подождем до завтра – утро вечера мудренее. Вы со мной согласны?

Голос его звучал ровно и рассудительно, и Марина скорее от досады, а не от уверенности выложила:

– Между прочим, вы ведете себя так, что у меня закрадываются подозрения, не вы ли пришили этого беднягу...

Леша сдержанно рассмеялся и, понизив голос, сказал:

– Во-первых, вряд ли бы я успел спрятать труп, запереть двери и вернуться на свое место к тому времени, как вы подняли тревогу, верно? И, кроме того, чтобы доказать свою непричастность к этому ужасному преступлению, я могу поделиться с вами одним любопытным наблюдением... Не знаю, было ли убийство на самом деле или это плод вашего воображения, но, когда я принимал вечером смену, эта калитка была заперта!

– Вы в этом уверены? – спросила Марина с волнением в голосе.

– Абсолютно! – ответил охранник. – Но что же из этого следует?

– То самое и следует! – воскликнула Марина.

– Тихо-тихо! – остановил ее Леша. – Как мы с вами договорились? Утро вечера мудренее... А теперь пойдете, как бы вы не простыли...

Они вернулись во двор, и Алексей запер калитку своим ключом. Озябшая медсестра сердито сверкнула глазами и язвительно осведомилась:

– Что же вы явились ни с чем? Крику-то было – тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца! – Она уже не пыталась скрыть свое раздражение.

Марина не сочла нужным ей отвечать – в голове ее крутилась теперь мысль о перебинтованном лице не убитого, а убийцы. «Убогий пристукнул убогого, – подумала она, – безликие персонажи, исчезнувший труп, запирающиеся сами собой двери...» В чем тут соль? Она непременно решила заглянуть в палату номер тридцать. Если она окажется пустой, это будет серьезной уликой. Куда здесь можно отлучиться ночью? Если только в ту, блатную палату без номера? Запереться там и переждать до утра, а потом потихоньку вернуться на место...

– Скажите, Татьяна, а вот этот пациент с носом – Краснов, – он выходил вечером из своей палаты? – спросила Марина, когда они вернулись в корпус.

Медсестра досадливо подняла выщипанные брови, точно услышала зуденье надоевшей мухи, но все-таки ответила:

– Откуда я знаю? Я ведь не могу уследить за каждым больным в отдельности... Вечером я разносила по палатам лекарства...

– Наверное, вы заходили и в его палату? – сказала Марина. – В этот момент он был на месте?

– Я не обязана запоминать такую ерунду! – отрезала Татьяна. – Был или не был – я не помню!

– Странные у вас здесь порядки, девушка! – холодно заметила Марина. – Вы остаетесь одна на всю клинику, но совершенно не контролируете ситуацию. Вы не знаете, где лежат больные, у вас под носом открывают и закрывают двери, разнося лекарства, вы не гарантируете, что больной своевременно принял их... Ведь если вы не помните, был ли Краснов на месте в момент раздачи лекарств, вы не можете быть уверены в том, что он их выпил... Насколько я понимаю, это – служебный проступок, если не халатность, не так ли?

Резкий уверенный тон Марины подействовал на медсестру самым неприятным образом. Она захлопала глазами и, моментально превратившись в смиренную овечку, жалобно пробормотала:

– Извините, пожалуйста! Я сегодня немного нервничаю... Разумеется, я слежу, чтобы больной обязательно принял прописанные ему лекарства. Просто я имела в виду, что не в состоянии запомнить каждого пациента в лицо...

Слушая ее лепет, охранник Леша улыбнулся уголком губ и предложил:

– Если есть такая необходимость, можно прямо сейчас заглянуть к этому Краснову и спросить его напрямик – выпил он таблетки или нет...

Медсестра испуганно посмотрела на него.

– Ты шутишь, Леша! – обреченно проговорила она. – А если он нажалуется, что ему спать мешают?

– Ну ты, мать, даешь! – удивился Леша. – Ты хозяйка здесь или нет? В связи с особыми обстоятельствами ты всему личному составу можешь устроить подъем, разве нет?

Медсестра беспомощно смотрела то на охранника, то на Марину. Все ее мысли были заняты сейчас возможной оглаской допущенной халатности.

– А это обязательно нужно сейчас выяснить? – спросила она у Марины. – Может быть, подождать до утра?

– Мы просто посмотрим – на месте ли ваш пациент, – ответила Марина. – У меня есть подозрения, что его нет в палате...

– А где же он? – растерянно спросила Татьяна.

– Вы думаете, это его пристукнули? – тихо поинтересовался охранник у Марины.

– Ничего я не думаю, – ответила она.

Леша внимательно посмотрел на нее.

– Ну хорошо, пойдем и взглянем на него. Подумаешь, делов-то! – решительно заявил он. – В какой палате?

– В тридцатой, – потерянно ответила медсестра.

Они на цыпочках подошли к дверям тридцатой палаты и прислушались. В комнате было тихо.

– Смотри, как сквозит! – удивленно заметил Леша. – Окно у него открыто, что ли?

Он осторожно приоткрыл дверь и просунул внутрь голову. Затем он присвистнул и, уже не стесняясь, шагнул в палату и зажег там свет. Женщины последовали за ним. В палате никого не было. На смятой постели валялась голубая пижама. Холодный ветер, врывавшийся в открытое окно, вздымал занавески.

– Ничего не понимаю! – прошептала медсестра. – Где же он?

Леша прошел через комнату и выглянул в окно.

– Где же он? – в отчаянии повторила медсестра.

Охранник с шумом захлопнул окно и весело сказал:

– Где, не знаю, но здесь его точно нет! В общем, Танюшка, тебе будет о чем рассказать утром на пятиминутке... Пойдемте отсюда, девочки!

Он шагнул к выключателю. Марина улучила момент, когда на нее никто не смотрел, и незаметно взяла стакан, стоявший на столике, – даже издали на нем были видны отпечатки пальцев. Она едва успела опустить стакан в карман плаща, как Леша обернулся и поторопил:

– Выходим, выходим! Двери закрываются!

Они покинули палату и разошлись по своим местам, потому что охранник Леша начинал опасаться, как бы из больницы не пропали все остальные пациенты.

– Вы все-таки ступайте к себе в палату и постарайтесь уснуть, – посоветовал он Марине. – И знаете что? На вашем месте я вообще бы выкинул все из головы! Зачем вам чужая головная боль?

Глава 4

– Ну и что же было потом? – с нетерпением спросил я Марину, когда утром следующего дня она рассказала мне эту историю.

– Потом я, как ни странно, уснула, – сказала Марина. – А потом пошла сдавать кровь натощак. Потом завтракать. Честно говоря, я уже умирала от голода... Когда я вышла из столовой, меня пригласили к МММ, чтобы деликатно объяснить, какая я ненормальная... Между прочим, они почти меня убедили...

– Неужели? – удивился я. – То есть весь этот кошмар тебе просто приснился?

Мы прогуливались в холле. Кроме девушки в белом халате, дежурившей у телефона, здесь никого не было, и нам никто не мешал. За широкими стеклами наяривал мелкий осенний дождик, и пожелтевшие деревья во дворе клиники выглядели печальными и поникшими.

– Примерно так мне и сказали, – засмеялась Марина. – Миллер лично сопровождал меня для осмотра автостоянки. К тому времени уже вовсю шел дождь, и он даже лично придерживал надо мной зонт. Разумеется, мы не обнаружили никаких следов.

– А загадочная палата в конце коридора? – поинтересовался я.

– Мне продемонстрировали палату и ее обитателя, – со вздохом ответила Марина. – Действительно, туда кладут по особому распоряжению Миллера, но это обычная здесь практика. Пациент любезно объяснил мне, что и в самом деле отлучался ночью из палаты, но на улицу не выходил, а просто взял у медсестры снотворное, после чего вернулся и спал как убитый.

– Почему же медсестра не сказала тебе об этом ночью?

– Мне объяснили, что она сделала это из соображений субординации. В сочетании с ее глуповатой физиономией это звучало убедительно.

– А ты видела этого пациента раньше? В столовой, например?

– Это бессмысленный вопрос – все его лицо замотано бинтами. Это мог быть кто угодно.

Я почесал в затылке. Рассказ Марины казался невероятным, но не верить ей я не мог.

– Ну хорошо! А что насчет нелюдимого Григория? Ты спросила?

– Разумеется! Но мне объяснили, что пациент Краснов покинул клинику еще после обеда, по личному разрешению Михал Михалыча. Медсестра просто была не в курсе.

– Выходит, круг замкнулся? – подытожил я. – Что же ты в таком случае видела? Может быть, тебя накормили галлюциногенами? Ты не заметила у них в меню мухоморов?

– Я была в здравом уме и твердой памяти! – торжественно объявила Марина. – И я, несомненно, была свидетелем убийства.

– Ты намерена обратиться в милицию? – деловито осведомился я.

– Увидим, – сказала Марина. – А пока вот, держи!

Она протянула мне небольшой пакет, в котором я на ощупь определил наличие стакана.

– Здесь отпечатки пальцев пациента Краснова, – пояснила Марина. – Я сначала хотела обратиться к своим друзьям, но потом подумала, что будет лучше, если ты подсунешь этот стакан Чехову. Может быть, он сумеет через бывших сослуживцев организовать экспертизу этих отпечатков? Почему-то мне кажется, что они вполне могут оказаться в банке данных...

– Но ведь этого типа и след простыл! – сказал я. – Что нам даст идентификация его отпечатков?

– Где-то должен быть труп, – спокойно заметила Марина. – Рано или поздно он обнаружится. Здесь, в клинике, явно нечисто.

– И ты решила вывести их на чистую воду? – с беспокойством спросил я. – Ты не боишься, что с тобой может что-то случиться?

– Ты знаешь – не боюсь! – серьезно ответила Марина. – Я даже убеждена, что со мной будут нянчиться и постараются провести лечение в кратчайшие сроки. Если они меня потеряют, их репутация будет безнадежно испорчена.

– Все-таки будь осторожнее! – попросил я. – Ведь это не твое призвание – ловить в больницах бандитов... Кстати, мне сейчас пришло в голову! Может быть, это преступление только формально имеет отношение к больнице? Может быть, клиника просто оказалась местом, где произошло убийство?

Марина покачала головой.

– Увы, это не так... Во-первых, калитка. Во-вторых, двери. Кто-то отпирал и запирали их. Этот кто-то, несомненно, работает в клинике. В-третьих, пациент, выходивший за снотворным, явно фальшивый. Помнишь, я говорила о книге Стивена Кинга, которая лежала в этой палате? Я спросила этого типа, как она ему понравилась, и поняла, что он даже не знает, кто такой Стивен Кинг. А ведь книга была раскрыта на середине! В-четвертых, дежурный врач!

– А что – дежурный врач? Ведь ты, кажется, говорила, что вчера он вообще не вышел на работу?

– В том-то и дело! Но утром он присутствовал в кабинете Миллера и заявил, что всю ночь был на своем посту, а меня не видел, потому что в этот момент был занят с больной, у которой случился небольшой обморок. И, самое интересное, дежурная медсестра это подтвердила!

– А как вел себя охранник? – поинтересовался я.

– Его уже не было, – с сожалением ответила Марина. – Но я почему-то уверена, что он-то как раз здесь лицо постороннее. Иначе бы он непременно задержался и дудел с ними в одну дуду... А вот дежурный врач меня очень интересует. Хотелось бы мне знать, как он провел эту ночь! Кстати, – сказала она, понижая голос, – вот он идет. Посмотри внимательно... Мне бы хотелось, чтобы ты последил за ним.

Я посмотрел на человека, которого показала мне Марина. В зеленом хирургическом костюме и такой же шапочке, он торопливо спускался по лестнице на первый этаж. Меня поразило его лицо – оно было бледным и отекавшим, словно у почечного больного. Хирург был высоким и худым – сквозь тонкую ткань выпирали острые лопатки. Лицо, кстати, тоже казалось вытянутым и унылым, точно череп старого мерина. Шаркая подошвами, врач удалился в сторону кабинета Миллера.

– Он чертовски подозрителен, правда? – с азартом сказала Марина. – Сейчас ты должен поехать и отдать стакан в хорошие руки, а к трем часам ты должен вернуться и сесть на хвост этому долговязому. Я узнала – они работают до трех часов. Раз ты взял отпуск – у тебя теперь масса свободного времени, и тебе нужно чем-то его занять!

– Послушай! – недоверчиво сказал я. – Откуда у тебя эта внезапная страсть к сыску?

– Наверное, я подцепила от тебя какой-то микроб! – заявила Марина. – И потом, если в тихой больнице, куда ты ложишься в надежде обрести красоту и уверенность, начинают убивать пациентов, поневоле начинаешь волноваться.

– Не лучше ли тебе тогда отсюда выписаться? – предположил я.

– Вот тут ты ошибаешься! – возразила Марина. – Как только я перестану быть пациенткой клиники, я стану опасной свидетельницей. Догадываешься, чем это пахнет?

– Но тогда надо срочно обращаться в милицию! – встревоженно сказал я.

– Сначала мы должны найти какую-то зацепку, – убежденно заявила Марина. – Иначе они спрячут концы в воду, и все на этом закончится. В общем, делай, что тебе велено. Это мое расследование, а не твое.

– Слушаюсь, босс! – пробормотал я. – Так я тогда пойду?

– Да, иди, – сказала Марина. – И постарайся не разбить стакан. Это единственная улика. В палате уже навели шмон.

Я неловко обнял ее – проклятый пакет с уликой мешал мне. Мы поцеловались.

– И помни, к трем часам ты должен вернуться! – еще раз предупредила Марина. – Мне кажется, этот врач замешан в преступлении, а поскольку он не профессионал, то непременно чем-то себя выдаст. Ты обязательно должен понаблюдать за ним.

– Дело привычное, босс!

Я повернулся и пошел к выходу. Девушка в белом халате безучастно посмотрела мне вслед. Как на грех, все посетители уже разъехались, и некому было меня подбросить до центра. Пришлось топтать пешком – сначала до ближайшей остановки, а потом пересаживаться с автобуса на метро.

Времени ушло слишком много, и, когда я добрался до улицы Добролюбова, где проживал Юрий Николаевич, было уже половина первого. Опасаясь не успеть до трех часов в клинику, я постарался изложить Чехову самую суть дела, опустив некоторые детали. Вначале он слушал меня с выражением некоторого недоверия на лице, но потом оживился, и в глазах его появился особый блеск, точно у гончей, бегущей по следу.

– В общем, такой вот Хичкок получается, Юрий Николаевич! – виновато заключил я. – Если это в твоих силах, помоги, пожалуйста! Пока, кроме этого стакана, нам не за что уцепиться. Все улики улетучились как дым.

– Ладно, что-нибудь придумаем! – проворчал Чехов, взвешивая на ладони почти невесомый пакет со стаканом. – Ты, в общем-то, кстати. А то я уже очумел от одиночества. Ты не представляешь, как чувствует себя человек, выброшенный на пенсию! Как Робинзон Крузо, выброшенный на необитаемый остров! Я уже созрел для того, чтобы ходить в парк и играть в шахматы с полусумасшедшими стариками! С удовольствием займусь твоей новой загадкой, даже если она окажется полной глупостью!

– Марина утверждает, что нисколько не сомневается в причастности работников клиники к преступлению, – сказал я.

– Они могут попросту беспокоиться за свою репутацию, – возразил Чехов. – Любое происшествие, имеющее хотя бы косвенное отношение к больнице, является плохой рекламой. Они могут быть невинны как младенцы и именно вследствие этой невинности вести себя так глупо и подозрительно. Знаешь что? Объясни-ка мне подробнее, где эта клиника находится... Я хочу взглянуть на нее своими глазами.

Я объяснил Чехову, как найти клинику и в каком примерно месте Марина нашла бесчувственное тело. Чехов задумчиво потер лоб и потянулся за папиросами.

– Труп, несомненно, уже куда-то вывезли, – заявил он, чиркая спичкой. – Весь вопрос в том, куда. Надежнее, конечно, спрятать подальше, но одновременно и рискованнее. Не исключено, что от покойника избавились где-то на территории Измайловского лесопарка. Скверно, что сейчас осень, – можно было бы попробовать поискать следы протектора. Но их наверняка размывло дождем. Но я все-таки попытаюсь там пошариться. Не может быть, чтобы совсем никаких следов не осталось... А ты сейчас, значит, куда нацеливаешься?

– Собираюсь вернуться в больницу, – озабоченно объяснил я. – Там один коллега есть подозрительный. Мне поручено за ним понаблюдать. Поэтому я побежал, иначе, кажется, опоздаю непоправимо...

– Я бы тебя подбросил на машине, – заявил Чехов. – Но мне сейчас туда ехать бессмысленно, нужно сначала оснаститься, кое-что подготовить. Так что давай двигай! Через пару дней встретимся – к тому времени я надеюсь что-нибудь выяснить.

Мы наскоро распрощались, и я сломя голову бросился в обратный путь. Метро, автобус, торопливая пробежка по сырому асфальту. Где-то на середине пути мне пришло в голову, что я остаюсь без обеда. Частный сыск – занятие увлекательное, пока у вас сухие ноги, полный желудок и целая голова. Из этого набора у меня оставалась в порядке одна голова. К тому же я безбожно опаздывал.

К счастью, где-то за квартал от клиники мне удалось поймать такси, и к воротам я подкатил с шиком.

– Во двор заезжаем? – уточнил таксист, притормаживая метрах в десяти от ворот.

Я уже собирался ответить утвердительно, как в глаза мне бросилась вишневая «Лада», стоявшая возле забора клиники. Привлекла мое внимание, конечно, не машина, а человек, который садился на заднее сиденье. Я сразу узнал это унылое лошадиное лицо, хотя на макушке у человека красовалась не хирургическая шапочка, а кожаная кепка.

Подозрительный доктор плюхнулся на сиденье и хлопнул дверцей. «Лада» тронулась с места и свернула нам навстречу. Когда она пронеслась мимо, я успел заметить сидящего за рулем доктора Маслова. Рабочий день закончился, и коллега с колесами подвозит до дома коллегу без оных – ничего особенного. Но меня точно ошпарило – во-первых, я чуть не упустил объект, а во-вторых, доктор Маслов показался мне в этот момент тоже очень подозрительным. Я поспешно схватил водителя за плечо и нервно распорядился:

– Быстренько развернитесь – и за этой машиной!

Таксист недовольно покосился на меня, но возражать не стал. «Волга» лихо развернулась возле ворот и помчалась за «Ладой».

– Стрельба, надеюсь, не намечается? А то, может, я выйду? У меня, понимаешь, двое детей. Как говорится, есть у нас еще дома дела... – довольно вежливо сказал таксист.

– Какая стрельба? – с досадой сказал я. – Я что, на гангстера похож?

– А кто вас знает, – философски заметил водитель. – Кто из вас на кого похож...

«Лада» свернула на Измайловский проспект и покатила в сторону центра. Скорость она держала небольшую, и мы без труда висели у нее на хвосте. Я в некоторой панике подсчитывал в уме наличность, имеющуюся в моем бумажнике, – если мои коллеги намеревались ехать через всю Москву, я мог оказаться в очень неприятном положении.

Однако возле станции метро «Измайловская» «Лада» неожиданно затормозила, и долговзый доктор вышел из машины. Я едва успел крикнуть таксисту: «Стой!»

Мы остановились, объехав «Ладу», метрах в двадцати дальше. Озабоченно оглядываясь назад, я сунул таксисту деньги. Он моментально оценил ситуацию и нахально сообщил, что сдачи нет. Сдачи полагалось рублей пятьдесят – на мой взгляд, не так уж мало. Но мой подопечный уже направлялся к метро, а я не хотел его упустить. Пospешно толкнув дверцу, я выскочил из такси.

– В следующий раз я тебя обязательно пристрелю! – пообещал я на прощание водителю, чтобы хоть как-то утешиться.

Он самоуверенно ухмыльнулся и отъехал – пришлось о нем побыстрее забыть. Долговзый доктор уже должен был вот-вот скрыться в дверях станции. Я поспешно сорвался с места и бросился вдогонку. Я так спешил, что едва не врезался в него, потому что этот тип затормозил совершенно неожиданно и повернул обратно. Я едва успел увернуться.

Он мельком взглянул на меня и тут же отвернулся. Лицо его было искажено мукой. И вел он себя все подозрительнее. Я немного потоптался на месте и, чувствуя себя последним дураком, отошел в сторону. Мне нужно было понять, что затеял этот чертов хирург. Но он, похоже, сам не знал, что ему делать. Пройдя метров пятнадцать, он вдруг замедлил шаги и стиснул кулаки. Я наблюдал за ним, спрятавшись за уличным столбом. Хирург остановился вовсе, а потом повернулся и решительно зашагал к киоску. Там он быстро купил бутылку пива и, бросив направо-налево угрюмый взгляд, так же быстро высосал ее из горлышка.

После этого он словно бы чуть-чуть повеселел, распрямил спину и почти вприпрыжку устремился обратно в метро. Теперь мне пришлось снова догонять его. Наученный горьким опытом, я внимательно следил за его тощей спиной. Если бы ему вздумалось опять повернуть назад, я был наготове.

Но доктор теперь никуда не сворачивал – он исправно спустился до самого низа на эскалаторе, вышел на перрон и принялся ждать поезда. От нетерпения он слегка постукивал ногой. По его вытянутому лицу проносились тучи.

Я понятия не имел, в каком районе он живет, как его фамилия и есть ли у него семья. Мне впервые пришло в голову, что, не зная ничего о нем, я не сумею правильно оценить его поступки и пользы от моих наблюдений будет немного, если только подозрительный доктор не приведет меня напрямиком на какую-нибудь свалку к закопанному там труп.

Подошел поезд, и хирург, подхваченный людским водоворотом, втянулся в голубой вагон. Я немного замешкался и едва успел запрыгнуть вслед за ним, как двери захлопнулись.

Стиснутый со всех сторон пассажирами, я отчаянно вертел головой, пытаюсь не упустить объект из виду. Наконец в противоположном конце вагона я углядел долговязую фигуру. Повиснув на поручне, хирург мрачным, отсутствующим взглядом таращился в окно и, кажется, не собирался в скором времени выходить.

Так мы проехали несколько остановок. Он по-прежнему смотрел в окно, совершенно не интересуясь тем, что происходит вокруг. Я осмелел и подобрался поближе. Дорого бы я сейчас дал, чтобы узнать, о чем размышляет этот мрачный тип. Наверняка на душе у него было совсем невесело. По крайней мере, вид у него был обреченный, точно этот поезд напрямиком шел в ад.

Обманутый его неподвижностью, я едва не упустил момент, когда доктор вышел из вагона. По правде сказать, вышел он необычно – безучастно выслушал название очередной остановки, а потом в последний момент пулей вылетел наружу. Но я углядел наверняка еще нелепее, потому что выскакивал уже через полузакрытые двери – под проклятия пассажиров.

Это была «Электрозаводская». С этой станцией у меня были связаны не самые лучшие воспоминания, хотя вообще-то я не часто бывал в этом районе, и, если бы моему объекту захотелось здесь затеряться, наверное, он сумел бы сделать это без особого труда. Впрочем, по поведению доктора трудно было поверить, что он оказался в родном районе. Поднимался он на поверхность как-то неуверенно, то и дело оглядываясь по сторонам, точно пытаюсь отыскать знакомые ориентиры и не находя их.

Я держался шагах в десяти от него. Вряд ли доктор заметил меня на перроне, но я не был уверен в этом на сто процентов – слишком шумно я выходил из вагона. Впрочем, народу на станции было немало, и я надеялся, что не очень бросаюсь в глаза. На всякий случай я поднял воротник плаща и стал совсем похож на сыщика из третьеразрядного детектива.

Мой подопечный вышел из метро и страдающим взглядом окинул улицу. Я замер. Учитывая предыдущий опыт, можно было ожидать, что он сейчас бросится обратно в метро. Но я упустил из виду еще один пункт его программы.

Хирург размышлял недолго. Он увидел неподалеку киоск и немедленно устремился к нему. Затем последовало то, что я уже видел, – бутылка пива, кратковременное возбуждение и спуск в метро.

Проклиная все на свете, я опять побежал за ним. Разумеется, я предполагал, что преступник будет заметать следы, но что он между каждым следом будет выпивать по бутылке пива, было для меня откровением.

Мы снова сели в поезд и покатали дальше. Теперь я был внимательнее и старался не отходить от дверей. Думаю, что, если бы хирург задумал теперь выходить, я бы выскочил даже раньше его.

Но остановка следовала за остановкой, а мой объект будто забыл обо всем на свете. Мы уже приближались к «Смоленской», и я не на шутку занервничал. Мне показалось обидным проезжать собственную остановку, особенно на пустой желудок. Где же живет этот длинномерный? Неужели где-то в Крылатском?

Однако на «Смоленской» этот фрукт приготовился выходить. Я воспрянул духом. Если он живет где-то здесь, я провожу его до дома и удовлетворюсь этим. Не торчать же сутками возле его дверей!

Однако и теперь объект никуда не спешил. Выйдя из метро, он бесцельно побродил вокруг станции, глядя по сторонам то с отчаянием, то с какой-то мрачной решимостью. В этот момент он был ужасно подозрителен.

Я думал, что и на этот раз терзания закончатся бутылкой холодного пива. Но хирург пошел дальше. Он вдруг сорвался с места, точно пес, взявший след, и уверенно вышел на небольшое кафе в одном из ближайших переулков.

По случаю плохой погоды кафе было переполнено. Публика здесь собиралась довольно специфическая – в большинстве своем это были то ли старшеклассники, то ли первокурсники, а возможно, и просто шпана с соседних улиц – бледные тонкогубые парни с волосами до плеч, в коротких черных куртках, отливающих металлическим блеском. Они вели между собой нескончаемый пьяный разговор одинаковыми угрожающими голосами, время от времени оглядываясь по сторонам незрячими расширенными глазами.

Хирург вошел в кафе и озабоченно оглядел зал. Ему повезло – сразу две или три компании освободили столики и, покачиваясь, стали пробираться к выходу. Они громко матерились, но никого не задирали. В сущности, они, вероятно, были совсем не такими опасными, как казались.

Хирург уселся за первый подвернувшийся столик – он буквально плюхнулся на стул и с наслаждением вытянул длинные ноги. Кожаную кепку он снял и бросил перед собой на стол, словно не замечая того свинства, которое осталось после пиршества затянутых в кожу мальчиков. Он только поторопился окликнуть случившуюся поблизости официантку, и тут я впервые услышал его голос. Он был довольно низкий, как у многих долговязых мужчин, ровный и даже безразличный – однако я расслышал в нем отчетливую истерическую нотку.

– Послушайте! Принесите триста грамм водки, – сказал он безо всякого смущения. – Ну и лимон там, не знаю...

Усталая крашенная официантка безошибочно оценила клиента и немедленно приблизилась.

– Покушать чего-нибудь? – заботливо подсказала она.

– Да... чего-нибудь... – вяло согласился хирург.

Официантка кивнула и ушла. Я пристроился возле буфета и попросил сделать мне двойной кофе. Разумней было бы, пожалуй, поесть, но я не хотел садиться за столик.

Хирургу принесли, что он просил. Я тоже получил свой кофе и, потихоньку отхлебывая из чашки, наблюдал за поведением объекта.

Поведение его вряд ли можно было назвать образцовым. Начал он с того, что налил себе почти полный фужер водки и, покосившись по сторонам, выпил его разом, как лекарство. Потом он некоторое время неподвижно сидел, прислушиваясь к своим ощущениям, и, только убедившись, что все в порядке, лениво сжевал дольку лимона. К бифштексу с картошкой он даже не притронулся.

Мой желудок тем временем начал бунтовать. Видимо, запахи еды о чем-то ему напомнили. Вонючий жженный кофе его не удовлетворял. Он требовал бифштекса. Я уже был готов сдать, но в этот момент хирург, выпивший еще одну дозу, рассеянно оглядел зал и увидел меня.

В первый момент в его лошадином лице ничего не изменилось. Но потом он взглянул на меня пристальнее, и в глазах его появился вопрос. Некоторое время он что-то мучительно вспоминал, но так ничего определенного не вспомнил и разочарованно отвернулся.

Однако беспокойство уже не покидало его, и я еще несколько раз ловил на себе его взгляд. Наконец он не выдержал, допил водку, расплатился и вышел. Проходя мимо меня, он усердно разглядывал носки своих ботинок.

Едва за ним захлопнулась дверь, я бросил на стойку деньги и выскочил на улицу. Хирург поспешно удалялся в сторону Смоленского переуллка. Мне пришло в голову, что он действительно живет где-то неподалеку от меня.

Стараясь не слишком выделяться, я продолжил преследование, но теперь, кажется, неудачно. Хирург по пути то и дело оглядывался через плечо и наконец обнаружил меня. На лице его обозначилось беспокойство, и он прибавил шагу.

Поняв, что меня раскрыли, я совершенно уже перестал заботиться о конспирации и попросту топал за объектом, неизвестно на что надеясь. Мы уже почти бежали, инстинктивно сохраняя между собой дистанцию в пять-шесть метров. Мне это надоело, и я решил окликнуть хирурга, чтобы предложить ему переговоры.

Но в этот момент он нырнул в проходной двор. Я вбежал туда на несколько секунд позже и остановился. Хирург исчез.

Я внимательно осмотрел двор – это был каменный мешок, образованный большими домами старой постройки. На противоположной стороне виднелась арка, ведущая в соседний двор. Но туда мой подопечный не успел бы проскочить. Значит, он спрятался в одном из подъездов.

Мне показалось, что на пороге ближайшего подъезда я вижу свежий след мокрой подошвы. Поскольку ничего лучшего мне в голову не приходило, я решил заглянуть в этот подъезд.

Сразу за дверями на сухом бетонном полу след повторился – несомненно, это был отпечаток мокрой подошвы. По размеру он вполне мог соответствовать такому рослому господину, каким являлся мой объект.

Я в задумчивости остановился. Следов на ступенях, уходящих наверх, больше не было. Короткая лестница, ведущая в подвальное помещение, была погружена в полумрак и основательно затоптана. Но дверь в подвал была открыта, и этот факт меня заинтересовал.

Конечно, это могло быть чистой случайностью, совпадением. И хирург мог прятаться в любом другом подъезде, но я предпочел наиболее легкий путь – мне казалось, что и хирург не станет сейчас изощряться.

Стараясь ступать бесшумно, я спустился к подвальной двери и медленно отворил ее. Петли предательски скрипнули. Я проскользнул в сырую подвальную темноту, прижался спиной к стене и прислушался.

Постепенно глаза мои привыкли к темноте, и я различил очертания подвальных перегородок и тусклое пятно отдушины далеко впереди. Подождав еще немного, я медленно двинулся вдоль стенок, напряженно всматриваясь в полумрак. Потом мне показалось, что где-то рядом послышался легкий шорох, и я опять замер.

Противника я не увидел, а скорее учуял. Откуда-то сбоку на меня вдруг пахнуло свежим водочным перегаром, и я ощутил едва заметное движение воздуха на своих волосах. Почти интуитивно саданул кулаком в навалившуюся тень.

Я услышал сдавленный крик и звон упавшей на пол металлической трубы. Опоздай я на секунду, и эта труба прошла бы по моей макушке. Однако передышки я не получил. С неожиданной яростью и силой невидимый соперник пихнул меня в грудь и бросился к выходу. Я ударился спиной в стену, оттолкнулся от нее и рванул вдогонку.

Теперь силуэт убегающего человека был хорошо виден на фоне дверного проема – я сразу узнал долговязую фигуру в кожаном пальто, полы которого сейчас смешно подпрыгивали и развевались. Я успел подставить ногу, прежде чем хирург выскочил из подвала, и он с прокля-

тием растянулся на ступеньках заплыванной лестницы, больно ударившись локтем о каменное ребро.

Впрочем, алкоголь и здесь сыграл свою положительную роль – не обращая внимания на боль, хирург тут же сел, развернувшись ко мне лицом, и попытался пнуть меня ногой. Я легко увернулся от удара и, наклонившись, сгреб коллегу за грудки.

– Что тебе надо?! – отчаянно просипел он задушенным голосом. – Я милицию позову!

– Зови! – согласился я. – Только кричи громче, а то даже я тебя плохо слышу.

Он страдальчески посмотрел по сторонам и наверх в надежде, что кто-нибудь из жильцов появится на лестнице. Но ему не повезло – вокруг не было ни души. На лице доктора вдруг нарисовалась полная апатия и покорность судьбе.

– Если хотите грабить – бумажник во внутреннем кармане, – задыхаясь, пробормотал он. – Там еще есть пара сотен.

Признаться, я оторопел – я ожидал чего угодно, только не обвинения в разбое. Мои розыскные мероприятия оборачивались какой-то странной и опасной стороной. Невольно мои пальцы сами собой разжались, и освобожденный доктор обессиленно опустил опять на ступеньки, болезненно морщась и потирая шею ладонью. Я присел рядом с ним и бессильно опустил руки. Так мы сидели несколько долгих минут, не зная, что сказать друг другу. Впервые я пожалел о том, что не курю. В такой ситуации могла выручить только сигарета.

– Закурить есть? – спросил я безнадежно.

– Не курю! – мрачно буркнул хирург, покосившись на меня с опаской.

Мы еще немного помолчали.

– Кепку, черт, потерял! – с досадой вдруг сказал хирург.

– Можно спуститься поискать, – предложил я.

– Чего там искать! – зло откликнулся хирург. – Затоптали все! – Он плюнул на пол и ожесточенно растер плевков ногой.

Сейчас он уже не казался мне подозрительным – измученный, полупьяный человек, не понимающий, чего от него хотят. Я решил покончить со всем разом.

– Как вас зовут? – спросил я.

Хирург издал губами звук, напоминающий ржание.

– Ты гнался за мной, чтобы спросить, как меня зовут? – спросил он, вкладывая в ответ весь сарказм, на который был способен.

– Хорошо, сформулирую вопрос иначе, – со вздохом сказал я. – Где вы находились в момент убийства на территории больничной автостоянки?

Хирург раскрыл рот и беспомощно уставился на меня, глаза его косили – самую малость.

– Так ты из милиции... – устало пробормотал он.

Мне не хотелось возражать – забавно было почувствовать себя в шкуре полицейского. Но хирург, кажется, не разделял моих чувств. Он повесил голову и обреченно сказал, словно размышляя вслух:

– Вы, менты, окончательно обнаглели – ведете себя как отморозки из подворотни!

Мне стало обидно за милицию, и я сказал:

– Ага, а вы не обнаглели – лупить сотрудника по голове трубой! При исполнении! Это знаете чем пахнет?

– Я же не знал, – резонно заметил он. – Я думал, ты меня обчистить хочешь...

– Как фамилия? – требовательно спросил я.

– Груздев, – сказал он покорно. – Груздев Николай Петрович. Только я ни про какое убийство не знаю. А что, действительно кого-то убили?

Он даже не старался изображать удивления – ему было абсолютно безразлично. Я окончательно понял, что сел в лужу, но постарался выжать из ситуации все, что возможно.

– Назвались Груздевым, так уж полезайте в кузов! – грубовато скаламбурил я. – Вы дежурили в ночь убийства, но никто вас в клинике не видел. Более того, медсестра заявила, что вы не вышли на работу из-за болезни. И вдруг утром вы оказываетесь на месте. Как это можно объяснить?

Груздев отер лицо и украдкой взглянул на меня. В голосе его вдруг послышалась неуверенность.

– Медсестра – просто дура, – сказал он. – Я всю ночь был на работе. Но одной пациентке стало дурно...

– Это я слышал, – перебил я его. – Мы допросили эту пациентку. Думаю, правду установить будет нетрудно.

Груздев закашлялся, содрогаясь всем телом и судорожно вытягивая шею. На него было тяжело смотреть. Наконец он затих и махнул рукой.

– Мне нужно выпить!

– Сначала ответьте на мой вопрос! – потребовал я.

– Я ни в чем не виноват! – с горячностью заявил он. – Клянусь вам, я ничего не знаю об убийстве!

– Однако вы до сих пор не сказали, где вы были в ту ночь, – возразил я.

– Да в клинике я был, в клинике! – срываясь на крик, ответил Груздев. – У меня железное алиби, ясно вам!

– Не кричите так громко, – посоветовал я. – Если у вас алиби, то почему вы все время ходите вокруг да около?

– Послушайте, вы можете меня понять? – заговорил он, переходя теперь на шепот. – Я попал в ужасный переplet! Это дурацкое убийство... Зачем мне чужая головная боль? Я скажу вам все, но обещайте, что это останется между нами, иначе меня вышвырнут с работы!

Мне не хотелось кривить душой, но, в конце концов, я ведь не был настоящим милиционером. Перспектива узнать разом все пересилила природную порядочность.

– Разумеется, это останется между нами! – пообещал я. – Выкладывайте! Вот увидите, что вам сразу станет легче! – Эту фразу я наверняка подцепил из какого-нибудь телефильма, но Груздев, наверное, смотрел другие фильмы.

– Всю ночь я провалялся пьяным в комнате для посетителей, – угрюмо признался он, глядя в сторону. – Как правило, я стараюсь воздерживаться в день дежурства, но в этот раз завелся уже с обеда... К восьми я уже был никакой. Вот и весь секрет. Утром я кое-как привел себя в норму, но чувствовал себя так ужасно, что едва соображал, что происходит вокруг... Да, я слышал какой-то лепет про убийство, но решил, что это фантазии какой-то истерички... Представляете, чего мне стоило вытерпеть похмелье до трех часов дня? И тут еще вы садитесь мне на хвост! Я, наверно, сойду с ума!

До меня медленно доходило осознание того, что произошло. Я убил целый день, гоняясь за опохмеляющимся алкоголиком! Хорошо еще, что ему не удалось проломить мой глупый череп!

– Значит, вы утверждаете, что пьянствовали на работе? – сказал я, чтобы скрыть охватившее меня смущение.

– Да! Пьянствовал! – воскликнул он тоскливо. – Вы никогда не слышали о пьяницах? Да что вы понимаете! – Он схватил себя за волосы. – Но если об этом узнает Миллер – я погиб! Я и так уже вишу на волоске.

– Успокойтесь, – сказал я, захваченный новой идеей. – От меня Миллер ничего не узнает. Вот будет ли только молчать та медсестра?

– Татьяна – добрый человек, – глухо сказал Груздев. – Она никогда ничего не расскажет.

– Будем надеяться, – ответил я. – Но услуга за услугу. Скажите мне, кто, по-вашему, мог организовать это убийство?

– Послушайте, – стараясь говорить убедительно, начал Груздев. – Я никогда и ни от кого в клинике не слышал ни одного слова об убийствах. У нас тихое место. Мы возвращаем людям красоту.

– Ну да, самая гуманная профессия, это я знаю! И однако факт налицо. Я попытаюсь поставить вопрос конкретнее. Вы знаете о существовании «блатной» палаты?

– Да, знаю, – ответил Груздев. – Но это чисто формальное определение. Своего рода больничный фольклор. Просто этой палатой занимается лично Миллер. Он сам проводит лечение своим хорошим знакомым. Или нужным людям. Но они так же платят деньги и обслуживаются точно так же, как и остальные пациенты.

– А пациент Краснов из тридцатой палаты вам знаком?

Николай Петрович никак не отреагировал на это имя.

– Не слышал такой фамилии, – равнодушно сообщил он. – Тридцатую палату ведет другой врач.

– А вы можете достать историю болезни этого человека?

Груздев подозрительно посмотрел на меня.

– Достать – это значит выкрасть? – уточнил он.

– Скажем, изъять, – предложил я.

– Почему бы вам самим тогда не изъять? – немного язвительно произнес он.

– Мне не хотелось бы спугнуть кое-кого раньше времени, – объяснил я.

Груздев потер лоб. Хмель из него постепенно выходил, и он впадал в нервное и депрессивное состояние.

– А если я откажусь, – почти безнадежно сказал он, – вы настучите на меня Миллеру?

– Вы догадливы, – похвалил я.

– Но это же чистой воды шантаж! – с упреком сказал Груздев.

– Да, это чистой воды шантаж! – твердо ответил я.

Груздев, придерживаясь за стену, поднялся – колени его хрустнули. Похоже, мой коллега давно махнул рукой на свою физическую форму.

– Давайте вернемся в кафе! – взмолился он. – Если я сейчас не выпью, у меня лопнет голова!

– В принципе я не возражаю, – сказал я, вставая вслед за ним. – Но вы так и не ответили.

Мы поднялись по ступеням и вошли во двор. Накрапывал мелкий дождик. Груздев поежился и глубже запахнул ворот пальто.

– Какая история болезни вас интересует? – спросил он. – Краснова из тридцатой?

– Да. Ее должны, наверное, сдать в архив. Ведь сегодня ночью он исчез из больницы. И еще хотелось бы взглянуть на историю болезни «блатного» пациента. . .

– А вот это не получится! – отрезал Груздев. – Все, что связано с его пациентами, Миллер хранит у себя в сейфе. Лезть туда – это самоубийство!

– Но вы хотя бы знаете, кто лежит в этой палате? – спросил я. – Все-таки больница. Все свои, шила в мешке не утаишь. . .

– В каждой больнице есть свои неписанные законы, – сурово сказал Груздев. – У нас не принято совать нос в дела шефа. Это не наш бизнес.

Чем ближе мы подходили к кафе, тем быстрее и нетерпеливее делался его шаг. Кажется, он намеревался сполна вознаградить себя за перенесенное потрясение и потерю кепки. Но мне не улыбалось снова торчать в гнусной забегаловке среди патлатых тинейджеров.

– Хорошо, Николай Петрович, – строго сказал я. – Вы мне очень помогли. Я надеюсь, содержание этой беседы останется между нами. А завтра я заеду к концу рабочего дня в клинику – постарайтесь к этому времени раздобыть историю пациента Краснова.

– Я попробую, – пробурчал Груздев, пряча глаза.

Глава 5

– Кажется, меня прооперируют в рекордные сроки, – с иронией сообщила мне Марина. – Первая операция уже завтра. Доктор Маслов ведет себя очень сдержанно, но решительно. Словоохотливость его как рукой сняло. По-моему, он получил четкие указания поскорее избавиться от моей персоны.

Мы прогуливались за пределами больничного двора среди покрытых золотом берез. Не сговариваясь, мы оба направились в сторону злосчастной автостоянки. Сквозь разрывы в тучах проглядывало бледное солнце. Земля, усыпанная палой листвой, мягко пружинила под ногами.

Я подъехал вскоре после обеда и еще не успел поведать Марине о своих приключениях. Меня сковывало отсутствие видимых результатов и стыд за свои топорные действия. Некоторые надежды я возлагал на обещание Груздева. Но пока я еще его не видел и не мог быть ни в чем уверенным.

– А вообще, как ты себя чувствуешь? – поинтересовался я.

Марина оживилась.

– Ты знаешь, я никогда раньше так хорошо себя не чувствовала, как здесь! – призналась она. – Так что насчет курорта ты был прав. За эти два дня я, кажется, даже начала набирать вес. Если я пробуду здесь еще неделю, ты меня не узнаешь. Я превращусь в дебелую матрону со вторым подбородком.

– Этого не может быть, – сказал я. – Твой длинномерный хирург заверил меня вчера, что в этом зловещем месте людям возвращают красоту...

– Ты все-таки с ним общался?! – воскликнула Марина. – А я думала, что ты вчера уже здесь не появлялся!

– Ошибаешься, – сказал я. – Просто я едва не опоздал. Мотался к Чехову. Он обещал помочь. Но сегодня я до него не дозвонился – куда он пропал, ума не приложу!

– Потом про Чехова! – нетерпеливо прервала меня Марина. – Рассказывай про доктора! Ты за ним следил? Он вел себя подозрительно?

– Ужасно подозрительно! – согласно кивнул я. – Но в результате оказался банальным алкоголиком. В ту ночь он отсыпался в комнате для посетителей. Медсестра просто покрывала его – может быть, она испытывает к нему слабость. Во всяком случае, мне показалось, что он говорит правду. И больше всего боится вылететь с работы, если о его запоях узнает шеф. В общем, я из детектива превратился в шантажиста... Хотя Груздев – так зовут хирурга – уверен, что я работник милиции, имей это в виду. Если он будет спрашивать обо мне – соври, что я снимал с тебя допрос...

– Совру, – пообещала Марина. – Так ты ровным счетом ничего не узнал?

– Как это не узнал? – возмутился я. – Теперь одним подозреваемым меньше! Сколько там у нас еще осталось? Человек сто?

– Хочешь сказать, что ничего у нас не получится? – спросила Марина.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Посмотрим, чьи отпечатки найдут на стакане...

– Это займет время, – с досадой произнесла Марина. – Боюсь, к тому моменту меня уже выпишут. Кстати, в отделении произошли кое-какие изменения...

Я вопросительно посмотрел на нее. Марина усмехнулась.

– В двери, которые ведут в оперблок, врезали замок. Это происходило на моих глазах. Замок простой, но надежный, и празднующиеся пациенты уже не смогут разгуливать по ночам где им вздумается.

– Что ж, это логично, – заметил я. – В конечном счете о тебе проявляют особую заботу. Ведь подумай, в ту ночь ты запросто могла простудиться или даже нарваться на пулю.

Мы обошли клинику и оказались на краю асфальтовой площадки, где стояло около десятка легковых автомобилей. Заасфальтированная полоса уходила вдоль каменного забора в сторону Измайловского проспекта, а с другой стороны площадки среди деревьев скрывалась просека, засыпанная желтыми листьями.

– Посмотри, вот этот малиновый джип наверняка принадлежит господину Миллеру, – сказала Марина. – Он выглядит несомненно солиднее и внушительнее остальных машин. Кстати, на джипе удобнее всего вывезти труп – у него хорошая проходимость.

Меня интересовали не столько машины, сколько само место преступления – почему-то я был уверен, что сразу наткнусь здесь на пятна крови, или на отчетливый след башмака, или на паспорт, оброненный впопыхах убийцей.

Но сколько ни шарил я взглядом по сторонам, ничего, кроме ряби золотых листьев и черной земли, увидеть мне не удалось.

– Вот здесь он лежал, – дрогнувшим голосом сказала Марина, показывая на место, занятое подержанным бежевым «Фордом», шагах в пяти от железной калитки, которая вела во двор клиники.

Мы подошли ближе. Я с любопытством обернулся и посмотрел на больничный корпус.

– А где твоё окно? – спросил я.

– Самое крайнее на втором этаже, – пояснила Марина. – А если отсчитать десяток окон, правее будет тридцатая палата, где лежал господин Краснов.

– Значит, в принципе он мог без помех наблюдать за тем, как его жертва выходит через запасный выход, направляется к калитке и так далее... Убедившись, что объект покинул территорию клиники, он выпрыгивает в окно и крадет за ним...

– Да, если допустить, что именно Краснов был убийцей, – сказала Марина. – Но пока это на воде вилами писано. Если тебе удастся раздобыть историю болезни, многое прояснится. Если этот человек лег в клинику под своим именем, то, скорее всего, он здесь ни при чем. В том случае, конечно, что он не полный дурак.

– А если имя вымышленное?

– Тогда надо будет узнать, каким образом он попал в клинику. Это, пожалуй, единственная ниточка, раз ты утверждаешь, что доктор Груздев всего-навсего тихий алкоголик.

Я, спохватившись, посмотрел на часы.

– Кстати, как бы мне не упустить этого Груздева! – обеспокоенно заметил я. – Скоро он кончит работу!

Из-за туч опять выглянуло солнце, вызолотив верхушки деревьев и вспыхнув красноватым огнем на кончиках Марининых волос. Набежал откуда-то ветер, и сверху посыпалась потревоженная листва, наполнив все вокруг шелестом и свистом.

Мы медленно пошли обратно, не разговаривая и не касаясь друг друга. Близость первозданной природы действовала на меня странным образом. Мне хотелось обо всем забыть и просто бродить вдвоем среди черных стволов, слушая шум листопада и думая только о хорошем.

Но все это было несбыточными мечтаниями – едва мы вошли в ворота клиники, как я увидел Груздева, который, нервничая, прохаживался по больничному крыльцу, видимо, поджидая меня. Он уже переоделся, чтобы идти домой, и, возможно, даже упустил возможность уехать с коллегой Масловым, чтобы не разминуться со мной. Мне опять сделалось немного стыдно.

– Вот он! – шепнул я Марине. – Придется тебе сделать вид, что у нас с тобой был официальный разговор. Обойдемся без прощального поцелуя. Завтра я приеду к тебе после трех – к тому времени, может быть, будут какие-то новости.

Я замолчал, Марина сделала похоронное лицо, и в таком виде мы взошли на крыльцо. Здесь я громко объявил:

– Ну что ж, гражданка Антипова, благодарю вас за информацию! В скором времени я, вероятно, опять навещу вас. А пока желаю скорейшего выздоровления!

Марина отвернулась в сторону и прыснула. Груздев, застыв в неловкой позе, с испугом смотрел на нас. Не поворачивая головы, я вполголоса сказал ему:

– Идите к воротам! Я вас догоню!

Он вздрогнул и поспешно бросился вниз по ступеням, смешно задирая ноги. Я проводил Марину в вестибюль и еще успел незаметно пожать ей руку.

– Знаешь что? – шепнула вдруг она. – Ты все-таки не забывай и про меня, ладно? – И быстро пошла к лестнице.

Я повернул назад, спустился с крыльца и степенно пошел через двор. Сотруднику органов не к лицу бегать как мальчишке. Однако в глубине души я сгорал от нетерпения, гадая, чем порадует меня долговязый доктор.

Груздев маялся за воротами, тревожно поглядывая по сторонам. Я обратил внимание, что на голове у него новая кепка. Вернее, старая – кожа на ней уже повитерта и отсвечивала белизной. Увидев меня, хирург встрепенулся и, запинаясь, пробормотал:

– Ради бога, пойдите отсюда скорее! У меня душа не на месте. Из-за вас я наживу кучу неприятностей!

Он был бледен и измучен. Под глазами четко выделялись синие круги. На улице было не очень прохладно, но доктора сотрясал мелкий озноб. Когда он говорил, изо рта у него вырывался густой приторный запах мяты. Мне подумалось, что Груздеву для того, чтобы выйти сегодня на работу, пришлось собрать в кулак всю свою волю. А потом я сообразил, что подобное нечеловеческое усилие ему приходится делать ежедневно, и мне стало страшно.

– Все ваши неприятности заключены в вас самом! – убежденно заявил я.

Груздев взглянул враждебно.

– Намекаете на мою слабость? – с неудовольствием спросил он. – А вы знаете, почему я пью? Мне всю жизнь не везет. Меня используют все кому не лень. У меня уводят идеи, женщин, у меня отобрали детей! Вы представляете себе, что это такое, когда весь мир против вас?! Водка – моя единственная отдушина!

– Все пьяницы так говорят, – безжалостно возразил я. – Всегда у них виноват кто угодно, кроме них самих. Ну и водки, разумеется... Она-то как раз и есть их единственная и верная подруга!

– Вы хотите меня убедить, что все должно быть иначе? – с глубоким презрением спросил Груздев. – Вы самоуверенный и благополучный садист! Вы тоже используете меня, играя на моих слабостях! И только для того, чтобы взобраться на ступеньку выше по служебной лестнице!

Насчет служебной лестницы он, конечно, переборщил, но, если брать нравственную сторону вопроса, его слова звучали довольно убедительно – рыльце у меня, несомненно, было в пуху. Чтобы не углубляться в эти дебри, я решил не обострять отношения и миролюбиво сказал:

– Давайте не будем ссориться! Лично против вас я ничего не имею и даже хотел бы помочь. Но, боюсь, это не в моих силах – вы должны сами разобраться со своими проблемами...

– Давайте не будем заниматься душеспасительной декламацией! – криво улыбаясь, перебил меня Груздев. – И прошу вас, пойдите отсюда – я не хочу попадаться на глаза коллегам.

Мы зашагали по дороге прочь от клиники. Груздев сутулился и втягивал голову в плечи. На длинном лице его было написано отвращение к себе, ко мне и ко всему миру вообще.

– Хорошо, давайте перейдем тогда к делу! – предложил я. – Вы что-нибудь принесли?

Груздев оглянулся через плечо, судорожно полез за пазуху, достал оттуда свернутые в трубку бумаги и, мрачно сверкнув глазами, протянул их мне.

– Это история болезни Краснова, – значительно сказал он.

Я взял бумаги и небрежно сунул их в карман. Груздев молча шагал, время от времени иронически и сердито поглядывая на меня. Что-то в моем поведении вызывало у него раздражение. Наконец он не выдержал и сказал:

– Вы хоть знаете, чего мне стоило раздобыть эту историю?!

– Ну откуда же мне знать? – рассудительно заметил я.

– Вот именно! – с горечью воскликнул Груздев, принимая вид оскорбленной невинности. – Откуда вам знать! А я был вынужден лезть из кожи, чтобы удовлетворить ваше профессиональное любопытство! Я сам себе противен, понимаете вы это?!

– Ну зачем вы принимаете все так близко к сердцу? – укоризненно сказал я. – Ничего ведь страшного не произошло... Ну подумаешь, взяли вы историю болезни, которая идет в архив... Сегодня я изучу ее, а завтра вы положите ее на место. Никто ничего и не заметит!

Груздев саркастически расхохотался.

– Вы так полагаете? – язвительно спросил он. – Не все так просто, дорогой мой, не все так просто!

Я был заинтригован – Николай Петрович чего-то явно недоговаривал. Я осторожно, чтобы не спугнуть его, спросил:

– Почему непросто? Кто-то заметил, что история пропала?

Коллега Груздев снова по-мефистофельски рассмеялся, а потом с непонятной интонацией сказал:

– Не знаю, зачем я вам все это рассказываю! В сущности, я просто, наверное, рою себе яму... Ну да черт с ней! В сущности, гори все синим пламенем! Может быть, это знак судьбы, а? – Он взглянул на меня с отчаянной решимостью, которая так свойственна в некоторые минуты слабым натурам. – Расскажу все – и пусть мне будет хуже!

Господи, перепугался я, неужели он все-таки замешан в преступлении, и я вчера попросту лопухнулся, поддавшись на его нехитрые объяснения?

– С этой историей вышла целая история, извините за дешевый каламбур! – сказал Груздев. – Сначала я думал, что взять ее будет несложно. Больной выбыл, врач, который его вел, сделал последнюю запись – на моих глазах, собственно... Она лежала на столе в ординаторской – я только ждал момента, когда можно будет незаметно ее слямзить. Но, пока я манежился, явился МММ лично и забрал историю себе! – Груздев многозначительно посмотрел на меня. – Занесите этот факт себе в протокол! Зачем ему понадобилась эта история?! Он ведь не имел никакого отношения к этому больному. История должна была пойти в архив...

– Но ведь, насколько я знаю, ваш шеф заявил, что больной выбыл по его разрешению?

– Чепуха! – скривился Груздев. – Я из любопытства поспрашивал в бухгалтерии. Там паника. Этот Краснов смылся, не заплатив ни копейки!

– Ну тогда, может быть, Миллер поэтому и взял историю, чтобы выяснить координаты этого афериста?

– Ничего подобного! – заявил Груздев. – Бухгалтер ничего ему о неуплате не сообщила – она боится. А если допустить, что Миллер настолько хорошо знает этого типа, что позволяет уйти, не заплатив, – на кой черт ему история болезни? Это не в его правилах. Он вникает в медицинскую документацию крайне редко – только когда намечается крупный скандал. Не знаю, убийство или не убийство, но что-то тут не так – голову даю на отсечение!

– И однако же, как вам удалось историю перехватить? – с любопытством спросил я. – Неужели вы пробрались в сейф своего начальника?

– Все было совсем иначе, – покачал головой Груздев. – И гораздо удивительнее. Вам это наверняка будет интересно. Только... – Он замялся и робко взглянул на меня. – Может быть, вы премируете меня за ценную информацию? Я вчера поистратился и теперь совсем на мели. Разумеется, речь идет о займе. Я мог бы занять у коллег, но, сами понимаете, мне опасно засвечиваться в этом плане среди своих...

Он застал меня врасплох – не дать я не мог, такого цинизма я себе не простил бы, но в бумажнике у меня оставалась единственная бумажка, и теперь мне нечем было даже уплатить за метро. Однако я ни секунды не колебался.

– Какой разговор! – почти не дрогнувшим голосом сказал я, широким жестом доставая бумажник. – Сотни хватит? Насчет отдачи можете, кстати, не беспокоиться...

Груздев стыдливым жестом спрятал в ладони купюру и категорически заявил:

– И речи быть не может! Я верну вам все до копейки!

– Да ладно! – вяло ответил я, впадая в задумчивое состояние человека, неожиданно потерпевшего банкротство. – Не об этом речь...

– Да-да! – воскликнул Груздев. В отличие от меня он испытывал теперь душевный подъем. – Слушайте, что было дальше. Миллер унес историю болезни к себе в кабинет, но в сейф не спрятал. Кстати, это меня тоже удивило. У меня сложилось впечатление, что МММ не особенно дорожит этой бумажкой – скорее она вызывала у него любопытство, и он хотел поближе разузнать, что за человек этот Краснов... Чувствуете, какое странное тут противоречие? С одной стороны, он вроде бы Краснова знает, а с другой стороны, понятия о нем не имеет!

Похоже было, что загадочное поведение шефа увлекло самого Груздева. Невольно он втягивался в процесс раскрытия тайны, позабыв на время о собственных неприятностях и неутолимой жажде.

– Я крутился возле его кабинета, – продолжал Николай Петрович. – И через приоткрытую дверь видел, как Миллер бросил историю на свой стол. В этот момент в кабинет заглянула медсестра и куда-то его вызвала. Миллер вышел из кабинета и даже не прикрыл за собой дверь...

– Тут-то вы и начали действовать! – догадался я.

– Ничего подобного, – сумрачно возразил Груздев. – Я не успел. Пока я собирался с духом, вдруг вернулась та же самая медсестра, как ни в чем не бывало вошла в кабинет главного, порылась у него на столе, взяла историю и вышла!

– Может быть, Миллер послал ее? – предположил я.

– Да нет же! Слушайте, что было дальше! На меня она не обратила никакого внимания – мало ли кто толчется в коридоре... С историей в руках она пошла – но не туда, куда отправился Миллер, а в раздевалку для медперсонала. Оттуда она появилась уже с пустыми руками и поднялась на второй этаж. Эти манипуляции никого не заинтересовали, кроме меня. Согласитесь, медсестра с историей болезни в руках – в этом нет ничего примечательного... В общем, мы оба разыграли с ней роли заурядных персонажей, своего рода «Кушать подано», но меня-то ей провести не удалось! Едва она исчезла, я вошел в раздевалку и отыскал ее сумочку. Раздевалка у нас не охраняется – считается, что наша публика не будет шариться по чужим карманам. Как я и ожидал, история болезни лежала в дамской сумочке. Я забрал ее и немедленно ушел. На меня никто не обратил внимания, и потом никто ни о чем не спрашивал...

– А у меня к вам будет вопрос! – заметил я. – Мне не очень понятно, как вы сумели так быстро отыскать сумочку этой медсестры. Насколько я понимаю, в раздевалке должно быть много вещей?

Груздев чуть-чуть смутился.

– Вы правильно догадались, – сказал он с извиняющейся улыбкой. – Я знал, как выглядят ее вещи... Эта медсестра, знаете ли, на редкость привлекательная женщина. Эдакая жгучая южная красота! Поневоле обращаешь внимание... По правде сказать, меня не очень удивило, что она оказалась причастна к этой темной истории – в ней всегда чувствовалось что-то откровенно авантюрное, пожалуй, даже порочное... Но эффектно необыкновенно!

– Полагаю, вам известно ее имя и адрес? – сказал я.

– Разумеется, я знаю, как ее зовут, – Малиновская Юлия Дмитриевна, – ответил Груздев. – А вот адрес, увы! Никогда не интересовался. Зачем? Мы с ней птицы разного полета...

– Понимаю... – сказал я. – Но вы не обратили внимания, как она повела себя, обнаружив пропажу истории из своей сумочки? Может быть, она все-таки заметила вас?

– Не думаю, – грустно ответил Николай Петрович. – Она слишком самоуверенная особа, чтобы замечать таких, как я. И потом мне кажется, что она больше не заглядывала в сумочку. Во всяком случае, когда она покидала клинику, то не выглядела ни расстроенной, ни обескураженной.

– Значит, вы ее видели?

– Да, она вышла из больницы и направилась на стоянку. У нее такой маленький синий автомобильчик, «Тойота», кажется...

– Медсестры у вас много зарабатывают?

– Ну что вы! Большинство сотрудников не имеют своего транспорта. Но думаю, на такую внешность всегда найдется щедрый спонсор. Я говорю спонсор, потому что, по слухам, Юлия Дмитриевна не замужем...

Видимо, Николай Петрович говорил непривычно долго, потому что он заметно выдохся и еще больше побледнел. Но у него в кармане лежала моя сотня, и это сулило ему некоторое отдохновение в недалеком будущем. А мне предстояло тащиться за тридевять земель. Мысль об этом все сильнее отравляла мне существование.

Но судьба, словно сжалившись надо мной, сама предложила мне выход. Неожиданно за спиной послышался шум автомобильного мотора, видимо, нас догонял кто-то из припозднившихся сотрудников клиники. Я обернулся, намереваясь тормознуть машину даже в том случае, если это будет великолепный джип хозяина клиники.

Каково же было мое изумление, когда я увидел старенький, оранжевого цвета «Москвич»! Присмотревшись, я уже не испытывал никаких сомнений – за рулем машины сидел Юрий Николаевич Чехов собственной персоной!

Бока «Москвича» были заляпаны грязью, на капот налипли мокрые желтые листья. Видимо, Юрий Николаевич совершал поездку по осеннему лесу. Зная его привычки, я догадался, что не романтические чувства были тому причиной.

«Москвич» обогнал нас и затормозил у обочины, Чехов приоткрыл дверцу и, высунув голову, крикнул равнодушно:

– Не подвезти, мужики?

Я сообразил, что он не намерен афишировать наше знакомство, и так же отстраненно ответил:

– В карманах пусто!

– Да хрен с ним! – отвечивал Чехов. – Подвезу из чистого альтруизма!

Мы уселись в машину – Груздев на переднее сиденье, я сзади.

– Я в центр! – предупредил Чехов, трогая «Москвич» с места.

– Ну и отлично! – ответил Груздев. – Выбросите меня где-нибудь в пределах Садового кольца, ладно?

– С удовольствием, – заметил Чехов и обернулся ко мне. – А вас?

– Меня как можно дальше, – попросил я, незаметно подмигивая.

В дороге Груздев все время молчал и даже, по-моему, задремал. Чехов тоже помалкивал – из осторожности, – только то и дело поглядывал на мое отражение в зеркале. На Покровке, не доезжая Чистопрудного бульвара, Чехов остановил машину.

– Ага, спасибо! – сказал Груздев, словно очнувшись. – Я, пожалуй, выхожу. Большое спасибо.

Он не без труда выпростал свое длинное тело из машины.

– Николай Петрович! – окликнул я его на прощание. – Вы все-таки держите себя в руках!

Он неопределенно усмехнулся и торопливо пошел прочь, желая побыстрее исчезнуть в лабиринте московских переулков, скрыться от мира, который состоял из одних врагов...

– Кто такой? – хмуро поинтересовался Юрий Николаевич.

– Ложный след, – объяснил я. – Тот самый тип, за которым я вчера немного следил... – Я в общих чертах набросал Чехову картину своих достижений.

Он выслушал меня безо всяких эмоций. Грубое лицо его выглядело усталым и разочарованным.

– Значит, он направил тебя в другую сторону? – скептически подытожил он услышанное. – Ну что ж, за красивой бабой и следить приятно!

Я ошарашенно посмотрел на него.

– Ты считаешь, что он водит меня за нос?

– Да ничего я не считаю, – лениво протянул Чехов. – Я всегда говорил, что врачи – самая замкнутая и самая подозрительная каста... От них можно ожидать чего угодно. Нельзя верить тому, кто безнаказанно проливает человеческую кровь...

– Ну это уж ты, Юрий Николаевич, загнул! – возмущенно сказал я. – Это, между прочим, уже – как это? Волюнтаризм, во!

Чехов мрачновато усмехнулся.

– А я, брат, с утра здесь, – сообщил он. – Приехал, еще рассветало. На стоянке немного пошарился – с прибором для обнаружения металлических предметов. У ребят взял. А потом прокатился по лесной дороге... – Он длинно и витиевато выругался. – На моей колыхаге там делать нечего! Зарюхался в колею по самые яйца! Знал ведь, что не проскочу! Чудом выбрался... Но кое-что я все-таки нашел. – Он полез в карман и, перегнувшись через спинку сиденья, протянул мне ладонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.